

Герои Вселенной

АНДРЕЙ ЛИВЯДНЫЙ

СРЕДА ВЫЖИВАНИЯ

Соприкосновение

Андрей Ливадный
Среда выживания

«Автор»

2013

Ливадный А. Л.

Среда выживания / А. Л. Ливадный — «Автор»,
2013 — (Соприкосновение)

ISBN 978-5-699-60958-1

Далекое будущее. Колония на планете Пандора... Транспортный корабль «Прометей», на прибытие которого надеялись колонисты, погиб на подлете к планете. Люди остались один на один с убийственным холодом и не менее свирепыми аборигенами. Ради выживания колонии Егор Бестужев готов пожертвовать не только жизнью, но и собственной личностью. Он соглашается на имплантацию так называемого «нерва», в результате чего превращается в боевую особь расы хонди. А тем временем на Пандоре наступает долгожданная весна. Бесконечные и бессмысленные сражения колонистов с аборигенами только ожесточаются. Чтобы разобраться в происходящем, Бестужев должен отправиться в... прошлое.

ISBN 978-5-699-60958-1

© Ливадный А. Л., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Ливадный

Среда выживания

Часть 1

Глава 1

Мы жестоко заблуждались, считая, что одиноки во Вселенной.

Частный колониальный проект «Прометей» стал вызовом, брошенным судьбе, способом выжить, обрести свободу, когда стало ясно: обзримая Вселенная плотно колонизирована существами иных космических цивилизаций, ведущих свою, непонятную нам борьбу.

Для меня не стоял выбор между отчаянным риском межзвездного прыжка и гарантированным прозябанием на Земле.

Интеллектуальная и технологическая мощь крупнейшей корпорации планеты, собранная мною в кулак, не уменьшала риск, но давала шанс.

Мы просто не представляли, что ждет нас там, среди холодных звезд...

Пандора, испепеленная войной иных цивилизаций, стала нашей Судьбой и нашим Роком. Колониальный транспорт погиб. Уникальный по тщательному подбору экипаж оказался разделен силой неодолимых обстоятельств...

Андрей Игоревич Русанов. Проект «Прометей»

Город спал тревожно и чутко. В стильной предрассветной тишине отчетливо слышался каждый звук. Небеса стремительно светлели, на покатых крышах домов в свете редких уличных фонарей искрился иней.

Прошипела пневматика, открылась дверь. На пороге здания ремонтных мастерских возникла рослая, пропорционально сложенная человекоподобная фигура. Андроид внимательно осмотрелся по сторонам, легко закинул за спину увесистую снайперскую винтовку, изготовленную кустарным способом из деталей курсового импульсного орудия планетарной машины, направился к зданию колониальной администрации.

Он шел мимо плотной застройки, а невидимые глазу лазерные лучики скользили по закругляющимся стенам жилых модулей, считывая малейшие колебания, – так андроид прислушивался к дыханию людей, случайным фразам, произнесенным во сне, сопению, храпу, кашлю, но не из праздного любопытства – из чувства ответственности, сопричастности.

Поведением человекоподобной машины руководила искусственная нейросеть. Люди спали тревожно. Многих мучили кошмары. Он машинально вносил пометки в базы данных – с одними нужно будет поговорить, успокоить, для других выбить лекарства из скудного НЗ.

У крыльца администрации андроида никто не ждал. В здании не светило ни одного окна.

Он вошел внутрь, оказался в небольшом сумеречном холле, поднялся по лестнице на второй этаж, постучал в дверь.

Никто не ответил. Лишь подозрительный шорох метнулся за стеной.

Немного повременив, он вновь постучал.

Тишина.

С улицы послышался гул двигателя, скрипнул гравий. По локальной сети кибернетических устройств прошел доклад: планетарный вездеход прибыл.

Ровно пять утра.

Андроид пожал плечами, коснулся указательным пальцем недавно установленного сканирующего устройства, и через пару мгновений дверь приоткрылась, сухо клацнув электромагнитным замком.

Русанов спал, натянув одеяло на голову. На столе серыми покосившимися стопками лежали пыльные, пухлые папки. Из-за постоянной нехватки электронных носителей информации архив поселения вели по старинке, используя пластбумагу.

Взгляд андроида скользнул по столу. Последние документы, над которыми работал Русанов, относились к планировке уровней древнего колониального убежища, – полвека назад внутрискальный бункер построили машины, и с тех пор он пустовал.

«Зачем он просматривал планы уровней? – промелькнула тревожная мысль. – Неужели собирается решить проблему нехватки жилья, загнав людей в сырые, стылые, заброшенные бункера?»

Нет, не похоже. Прочерченные от руки линии, отмеченные условными символами энергопроводов, указывали на локальную схему электропитания. Несколько помещений, обведенных маркером, пересекали строки торопливого, мелкого почерка:

*«Восстановить энергоснабжение. Разобрать планетарную машину.
Использовать водородный двигатель в качестве привода генератора.
Оборудование биологической лаборатории выделить из аварийного запаса посадочных модулей. Подобрать надежных людей в помощь Метелину».*

Взгляд андроида фотографически зафиксировал схему и надпись, в то время как его рука коснулась плеча спящего человека.

– Андрей Игоревич, уже утро.

Русанов резко сел, сбросив одеяло, уставился на дройда, затем невнятно выругался. Во взгляде промелькнула острая неприязнь.

– Для чего я велел установить сканер?! – он встал, склонился над умывальником, плеснул в лицо водой, изгоняя остатки сна. – Ну? Чего молчишь?

– Стучал, вы не ответили.

– Громче надо было стучать! – он вытер руки, заметил оставленные на столе документы, торопливо перевернул их изображением вниз. – Который час?

– Пять утра. Вездеход прибыл. Мы опаздываем.

– Здесь я решаю, опаздываем мы или нет! – взгляд Русанова задержался на громоздком самодельном оружии. – Почему не сдал на склад, как было приказано?!

– Я отвечаю за жизни людей, – спокойно ответил андроид. – К тому же мы собрались на ледник, а там опасно, – добавил он.

– Подожди за дверью. Позавтракаю и выйду. Еще раз взломаешь систему доступа – пеняй на себя!

Андроид вышел. Русанов неприязненно посмотрел ему вслед. «Слишком много себе позволяет! Нашелся «искусственный разум» на мою голову, как будто без его своеволий у меня проблем мало!» Зубы впились в сухой и безвкусный брикет. Питательная масса неприятно разбухла во рту, кусок не лез в горло.

Несмотря на признаки крайнего истощения, Русанов не смог проглотить липкий ком, с отвращением выплюнул завтрак в урну, наскоро оделся и вышел в коридор.

– Ну, что застыл? Пошли, – коротко обронил он, плотно закрыв дверь.

Андроид вежливо пропустил его вперед.

На внутреннем мониторе человекоподобной машины отобразилась надпись:

*Завершен процесс передачи данных. Условия активации заданы.
Получатель – Егор Бестужев, серийный номер импланта 347216.*

Он догнал Русанова, поравнялся с ним, спросил:

– Андрей Игоревич, почему вы враждебно настроены по отношению ко мне?

Сдержанная вежливость человекоподобной машины только усиливала неприязнь.

– Враждебно? Да с чего ты взял? Вздор! Я лишь требую порядка, дисциплины, соблюдения установленных мной правил! – Русанов остановился. – Ты своеволен! Не лезь ко мне с советами, прекрати повсюду таскать с собой эту страхолюдину, – он пренебрежительно постукал костяшками пальцев по стволу мощного импульсного оружия. – Только людей пугаешь!

– Я три года руководил городом. Защищал его. Мне трудно... принять перемены.

– А вот это меня не касается! – Русанов вышел на крыльцо, потянулся. – Давай в машину! Заедем за Щедриным, затем на наблюдательную площадку. И запомни: времена изменились. Навсегда.

Андроид забрался в кабину.

«Да, времена действительно изменились, точнее не скажешь, – с горечью подумал он. – Но я – личность. Срок девять лет саморазвития из нейросетей не выкинешь!»

Русанов ведет себя странно. Он явно что-то замышляет, но ни с кем не делится планами, даже на ближайшее будущее. – Андроид соединился с бортовой киберсистемой вездехода, передал инструкции по предстоящему маршруту. – Нужно будет посоветоваться с Егором, навестить его в центре имплантации. Может, он подскажет, как мне быть?»

* * *

Солнце уже поднялось над линией горизонта, когда вездеход остановился на небольшой наблюдательной площадке.

Открылся люк, первым на каменистую землю прыгнул андроид. Он сразу же шагнул в сторону, присел за обломком скалы, привычно устроил ствол оружия в небольшой, отполированной от частого использования выемке.

Позиция старая и надежная. Сам выбирал место, оборудовал, маскировал. Отсюда хорошо просматривалось ледовое ущелье и старая дорога, выходящая по его дну.

Из машины, кряхтя, выбрался Русанов, вслед за ним в проеме люка возникла долговязая фигура Димы Щедрина.

Худоба, граничащая с дистрофией, являлась отличительным признаком уроженцев Земли.

Щедрин подошел к краю обрыва, прищурился, защищая глаза от солнечного света.

Бескрайний ледовый панцирь планеты, изрезанный сетью глубоких разломов, простирался до самого горизонта. Льды дыбились торосами, кратеры, отмечающие ближайшие очаги вулканической активности, рдели багряными язвами. Стоило задержать взгляд на отдельных формах рельефа, и кибернетические модули импланта тут же приближали и детализировали объекты.

Дмитрий подавленно осматривался. В отдалении над несколькими действующими вулканами поднимались столбы пепла. Сильный порывистый ветер сминал серые шлейфы, вытягивал их навстречу восходящему солнцу.

Куда ни посмотри, повсюду мертвый, однообразный ландшафт.

Обреченная иррациональная злоба вскипала в душе, невольно проецировалась на Русанова. «Он обманул нас! Об этом ли мы мечтали, покидая Землю?!» Щедрин невольно поежился, заметив, как темные фигурки существ, отдаленно похожих на людей, промелькнули и исчезли в глубине ледового ущелья.

– Зачем мы приехали сюда? – не оборачиваясь, глухо спросил он.

– Хотел поговорить наедине, – Русанов уселся на широкую подножку вездехода. – Мозги тебе вправить!

– Зря время потратишь. – Щедрин с удовольствием заехал бы ему в морду, но сил хватило только на фамильярность. Уже немало, учитывая, кем до недавнего времени был Русанов. – Я свое мнение высказал: корпорации больше нет!

– Значит, бунт?

– Называй, как хочешь! Я не одинок во мнении! Люди тебе больше не доверяют!

Русанов презрительно скривился.

– Дима, мы все в одинаковом положении! Поверь, мне понятна твоя растерянность, злость! Но эмоции не изменяют реальность!

Щедрин угрюмо молчал. Всего неделю назад (в субъективном восприятии времени) он перешагнул порог криогенного модуля колониального транспорта «Прометей», веря, что его ждет новая жизнь, новая родина. Конечно, глупо было рассчитывать на «райский», полностью пригодный для человека мир, – они готовились к борьбе с чуждой биосферой, к планетному преобразованию... но действительность превзошла все самые мрачные, пессимистичные прогнозы.

Предательская слабость сковывала движения. От резкого головокружения к горлу подступала тошнота. Дикая, непонятная, инстинктивная злоба искала выход, но физическая немощ не позволяла ей выплеснуться. Он сжал кулаки, и тут же волна ледяной испарины окатила тело липкой дрожью.

Отчаянные, обреченные мысли теснились в голове. Первый в истории Земли частный колониальный проект обернулся полным крахом надежд. Девяносто семь лет потеряны в момент гиперпространственного прыжка, из-за ошибки в расчетах, но это лишь самая малая из проблем!

Русанов утверждал: мы найдем пригодную для жизни планету! И ему верили, слепо, необоснованно. А как иначе? Ведь все мы были лишь сотрудниками крупнейшей корпорации Земли, а он – ее хозяином!

Вот она – наша «земля обетованная», – бескрайняя ледяная пустошь, простирающаяся от горизонта до горизонта! Но это лишь видимая ее часть. Сведения о планете, которые пришлось усвоить за последние дни, просто не укладывались в голове!

Озноб мурашками полз по телу. Система сканирования, связанная с базовым имплантом, ловила лихорадочные, обрывочные мысли человека, пыталась по-своему отреагировать на них.

На фоне ледника вдруг резко обозначились контуры скрытых в его глубинах объектов.

Обломки огромных космических кораблей, принадлежащих разным, едва знакомым человечеству цивилизациям, – вот что скрывал в своих недрах бескрайний ледяной панцирь Пандоры!

Шоковые ощущения нарастали, как лавина. Трудно представить масштаб битвы, произошедшей тут сотни лет назад. Испепеленную, а затем скованную стужей планету ныне окружали стальные кольца, состоящие из поврежденных искусственных сооружений – орбитальных станций, платформ, спутников...

Там до сих пор таятся силы, мощь которых основана на технологиях, далеко опередивших земную науку. Ими движет давняя, совершенно непонятная людям вражда, перечеркнувшая для нас всякую надежду на выживание. «Бог мой... – Щедрин, не отрываясь, смотрел вдаль. – Колониальный транспорт уничтожен, у нас практически не осталось планетарной техники, элементарного оборудования...»

Русанов сидел на подножке вездехода, что-то просматривал через кибстек, хмурился, не пытаясь возобновить прерванный разговор. Он ждал, пока окружающая обстановка окончательно надломит Щедрина.

Дмитрий неприязненно взглянул на него.

«Ведет себя как ни в чем не бывало! – промелькнула раздраженная мысль. – Все еще мнит себя хозяином положения! Темнит, не говорит правды, считая, что подчиненным необязательно знать подробности, связанные с гибелью «Прометей»! Ставит себе в заслугу спасение наших жизней. Да, этого не отнять: Русанов успел отделить криогенные модули, успешно посадить их на планету, отправил людей и технику для организации первичного поселения, но... – щека Дмитрия непроизвольно дернулась, сведенная нервным тиком, – *это происходило сорок девять лет назад!*»

На душе было пусто, тоскливо, безнадежно.

Полвека криогенного сна, медленно, по капле истощавшего организм, привели не только к физической немощи. Рассудок саботировал, словно Щедрина подменили. Жуть, безнадежность, растерянность, злоба доминировали в мыслях. Он сам себя не узнавал.

Реальность Пандоры попросту уничтожала всякую надежду...

Крохотный анклав первопроходцев влачил тут жалкое существование на протяжении четырех поколений! Нас не разбудили сразу после посадки криогенных модулей, а теперь поставили перед фактом – техники нет, «Прометей» уничтожен, жить негде, продовольствия в лучшем случае – на месяц! – злость вспыхнула с новой силой, но ее огонь совершенно не согревал.

– На что ты рассчитывал, пробуждая нас?! – голос Щедрина прозвучал сипло, надорванно.

Русанов медленно поднял взгляд, оторвался от заметки, которую мысленно надиктовывал в кибтек:

– Считаешь, мне следовало проявить милосердие? Оставить все как есть? Не вскрывать «Курганы Спящих»?!

Непривычное словосочетание резало слух. «Курганами Спящих» коренные пандорианцы называли места посадки отделяемых криогенных модулей колониального транспорта «Прометей». Вследствие утраты знаний заваленные камнями сегменты воспринимались ими как часть ландшафта плоскогорий, некое мистическое место, связанное с неимоверно далекими событиями, чей истинный смысл стерло беспощадное время.

Русанов быстро терял терпение.

– Я спрашиваю, ты предпочел бы умереть? Превратиться в кусок замороженного мяса?

Щедрин мрачно промолчал в ответ.

Он хотел жить. Нотки издевки, прозвучавшие в вопросе Русанова, уязвили, на минуту он испытал жгучий стыд: не всем повезло, как ему. Многие криогенные камеры дали сбой в процессе пробуждения.

Снова вернулась иррациональная злоба. Мысли прихотливо меняли моральную окраску, то вспыхивали угольком слабой надежды, то вновь подергивались пеплом безысходности.

Невольно вспоминалась Эрида¹. Мы все работали, словно одержимые. Мечтали о межзвездном прыжке. Безоговорочно верили Русанову. Почему же теперь предали его, отвернулись?

Он не мог понять своего поведения. Желчность, неприязнь – это все от бессилия, истощения? Покидая умирающую, перенаселенную Землю, мы прекрасно знали: космос плотно заселен. В обозримой Вселенной доминируют чуждые нам цивилизации, ведущие непримиримую войну, и шанс отыскать незаселенную, пригодную для жизни планету был ничтожно мал. Мы готовились к борьбе. Что же изменилось теперь? Почему при взгляде на Русанова возникает ледяной озноб, неприязнь, граничащая с ненавистью?

---

¹ Эрида – карликовая планета пояса Койпера (Солнечная система).

– Не скрою, вы с Малеховым поставили меня в сложную ситуацию, – Русанов смотрел на Дмитрия хмуро, исподлобья. – Понимаю, все истощены физически, раздавлены морально. Но почему мои попытки наладить исследовательскую работу встречают тупое непонимание, озлобленность? Что за сбой произошел, Дима? Вы и на пандорианцев тоже смотрите искоса! Они-то в чем провинились? В том, что случайно приняли сигнал аварийного маяка? Отыскали и пробудили меня?

– Пандорианцев мне жаль, – глухо произнес Щедрин. – Дети, подростки... Взрослые погибли, – он перебирал обрывочные, задержавшиеся в сознании факты из жизни четвертого поколения колонистов. – Теперь вот мы – голодные, истощенные, свалились им на голову...

– Но они же не ноют! Ведут себя достойно!

– Ты им головы заморочил! – огрызнулся Щедрин. – Корпорация! Технологии! Превосходство! Эти ребята сами не понимают, что поверили пустым словам! Все сгинуло вместе с «Прометеем»!

– Ну, разрыдайся! – презрительно обронил Русанов. – Только не пойму: какой смысл скучить, сеять панику, подбивать едва живых людей на бунт?! Неужели больше заняться нечем?!

– А на что *ты* рассчитываешь?! Технологической базы нет! Мы очнулись в каменном веке! Планета для жизни непригодна! Впереди – голод, агония, смерть! Взгляни вокруг! Лед! Обломки чужих кораблей! Очаговые поселения эшрангов и хонди! Ты хоть понимаешь, что их война перечеркнула нашу судьбу еще до старта «Прометея»?!

– Прекрати истерику! Держи себя в руках! Мы – научная элита корпорации!

– Замолчи! Без технологической базы грош цена нашим знаниям!

– У меня есть четкий план действий! – резко ответил Русанов. – План нашего спасения! Но он не предусматривает разброда, анархии! Работать надо! Действовать! Решительно, жестко, сообщая, полагаясь только на свои силы! Сжать в кулак интеллектуальный потенциал выживших! – фраза вышла высокопарной, штампованной, но он не обратил на это внимания, продолжил запальчиво: – Глупо тратить время на взаимные упреки! Либо мы примем условия выживания, либо, как ты сказал, сдохнем. Выбор-то не богат!

Щедрин скривился:

– Ты всего лишь пытаешься сохранить власть! Привык командовать! Больше тебя ничего не интересует! Но здесь – не Земля! Власть денег, – он сплюнул, – уже не в счет!

Русанов недобро прищурился.

– Хорошо. Допустим, я перестану указывать. Что ты предпримешь для нашего спасения?

– Нужно попытаться установить контакт с «братьями по разуму». В зонах умеренного климата, на границе льда и вулканов есть их поселения.

Русанов лишь криво усмехнулся.

Такой вариант развития событий его не устраивал. Идти на поклон к хонди или эшрангам? Ну уж нет... Проходили... Ненависть всколыхнулась, как мутное, пузырящееся болото.

– Ты всерьез думаешь, что контакт возможен? На равных, не рабских условиях? История четырех поколений пандорианцев тебя ни в чем не убедила? Эшранги и хонди всячески пытались их поработить, вовлечь в свою вражду! Нет, Дима. Хватит! Выход у нас один – возродить корпорацию! Ввести строжайшую дисциплину! Остановить панику!

– Корпорации больше нет! – хрипло выкрикнул Щедрин. – Извини, Андрей Игоревич, но ты теперь – рядовой житель планеты!

– Значит, не договоримся?

– Нет! – Щедрин действительно не видел выхода из создавшейся ситуации. Тупик. Но ведь анклавы инопланетных существ как-то выживают?! Он ухватился за эту идею и решил: буду стоять на своем. – Я заберу две планетарные машины. Организую экспедиции. Одну возглавлю сам, другую поручу Роме Малехову. Кто поддерживает тебя – пусть остаются. А мы попытаемся установить контакт с хонди и эшрангами!

Русанов с трудом удержался, чтобы не сбросить Щедрина в пропасть. А заодно и андроида – метнулась мысль.

«Нет. Нельзя. Щедрин с Малеховым приползут назад! – гневно подумал он. – Или погибнут. В любом случае их затея обречена на провал. Зато у других больше не возникнет даже мысль о бунте! Иногда нужно уметь жертвовать малым, чтобы сохранить целое».

Мысль здравая, за одним исключением: где я возьму еще одного талантливого инженера? Кем заменю погибших? Каждый из экипажа «Прометея» незаменим, особенно сейчас!

– Ваша бездарная гибель стала бы прекрасным наглядным уроком для остальных! – Русанов все же не сдержался, вспылil: – Ты противоречишь сам себе! Сначала говоришь, что война инопланетных рас, испепелившая Пандору, заранее обрекла нас на верную гибель, и тут же готов ползти к ним, молить о помощи?! Хотел бы я посмотреть на это, но не могу разбрасываться людьми!

– Ты меня не остановишь!

– Посмотрим.

– Убьешь?

– Нет. Кое-что покажу.

* * *

– Ты ознакомился с историей пандорианцев?

– В общих чертах, – ответил Щедрин. – Для них все превратилось в мифы. Даже «Прометей»... – хмуро добавил он.

Русанов прошел мимо андроида, открыл неприметную панель приборного комплекса, установленного среди скал, внимательно изучил показания, жестом поманил Дмитрия.

– Взгляни.

«Метеорологическая станция?» – мысленно удивился Щедрин.

Графики, таблицы, диаграммы. Температура. Влажность.

Он постарался сосредоточиться. Климатические данные за последний месяц. Так, посмотрим... Что хотел показать Русанов? Взгляд считывал информацию, искал что-то необычное.

Нашел.

В первый момент Щедрин подумал о фальсификации, подключил имплант, напрямую соединился с системой.

Температура окружающей среды повышалась медленно, но неуклонно, изо дня в день!

Вообще-то таяние льдов началось еще пять лет назад. Коренные пандорианцы, потомки небольшой группы колонистов, высадившихся на планету для организации первичного поселения, называли смягчение климата коротко и емко: Весна.

Щедрин вновь ощутил озноб и испарину.

Они деградировали, не проводили исследований и не подозревали, что процесс постепенно набирает силу климатической катастрофы, которая вскоре охватит Пандору!

Да быть не может! Откуда такой прирост энергии?!

По сохранившимся отчетам, среднегодовая температура на планете составляла минус двадцать градусов по шкале Цельсия.

Данных наблюдений за длительный период времени попросту нет, но в архивных документах, которые он просмотрел, не упоминались заметные скачкообразные погодные изменения. Значит, климат на протяжении полувека менялся медленно, постепенно?

Но теперь температура растет, причем катастрофически быстро!

– Это локальная аномалия?

– Нет, – сухо ответил Русанов. – Месяц назад я воспользовался МаРЗами² из аварийного запаса криогенных модулей. Охват территорий достаточно велик, чтобы прогнозировать глобальный масштаб происходящего. Прогнозы планетологов внушают серьезные опасения. Научная группа Одориной не нашла причин резкого роста температуры окружающей среды. Ни один естественный природный процесс не мог привести к столь внезапному, стремительному и резкому изменению. Начавшееся таяние льдов вскоре будет сопровождаться шквальными ветрами и непрекращающимися ливнями. Теперь ты понимаешь, почему твоя затея бессмысленна?

– Сколько у нас времени? – испуганно спросил Щедрин.

– Два-три месяца, не больше. До начала проливных дождей, – уточнил Русанов. – Подчеркну, если ты не понял: процесс неестественен. Ни вулканическая деятельность, ни солнечная активность не дает и сотой доли того прироста энергии, что мы видим!

– Тогда в чем причина?!

– Деятельность «братьев по разуму». Неизвестные нам технологии, – жестко заключил Русанов. – Иной трактовки нет. Они когда-то испепелили планету плазмой. Океаны выкипели. Помутнение атмосферы вызвало эффект ядерной зимы. Наступило глобальное оледенение. В течение столетия обломки кораблей и станций сходили с орбит, падали на поверхность планеты. Так возникли очаги вулканической активности. Зима затянулась. Выбросы продуктов извержений не давали солнечным лучам вновь согреть планету, растопить лед. Но процесс постепенно шел на убыль. Начало Весны четко прогнозировалось.

– Что же случилось теперь? – Щедрин даже не пытался скрыть свое замешательство.

– Тысячи кораблей, участвовавших в битве за эту звездную систему, потерпели крушение либо совершили вынужденную посадку, – напомнил Русанов. – Однако в большинстве случаев их экипажи не погибли. Мне пришлось прибегнуть к крайним мерам, чтобы получить достоверную информацию. Еще до вашего пробуждения я допросил нескольких эшрангов и хонди. Удалось выяснить: на всех инопланетных кораблях имеются некие аварийные устройства. Они называют их «генераторами стасиса».

– Система поддержания жизни?

– Нет. Технология лежит вне нашего понимания, далеко за пределами человеческих знаний. Стасис, насколько я понял, локально останавливает время.

– Не может быть! Это...

– Невозможно? Увы, мы сильно проигрываем в уровне развития. Но проблема в ином. Для поддержания защиты необходимо громадное количество энергии. Сейчас, судя по всему, она иссякает. Все больше эшрангов и хонди вынужденно выходят из стасиса. Они так же, как мы, – заложники Пандоры. Понимаешь, к чему я веду?

– Повышение температуры – дело их рук?! – не поверил Щедрин.

– Думаю, это побочный эффект от работы неизвестных нам устройств. Эшранги отчаянно пытаются вырваться с планеты. Данные, полученные от зондов, указывают на возобновление боевых действий. «Братья по разуму» сцепились друг с другом, причем не на шутку.

– В чем причина?

– А ты как думаешь? Постарайся понять: стасис остановил для них время! Секунду назад был бой, поражение, гибель, и, – Русанов шелкнул пальцами, – стасис отключается, вокруг льды, прошли сотни лет. Они понимают, что обречены. Пытаются завладеть теми кораблями, которые еще можно отремонтировать. Так что забудь о бредовых идеях относительно контакта. Их вражда нам совершенно непонятна, а лезть в чужую драку – бессмысленно.

– И что же нам делать?!

– Пережить климатическую катастрофу!

---

² МаРЗ – малый разведывательный зонд.

Щедрин совершенно сник. От его недавней агрессивности не осталось и следа.

– Никаких шансов, – он невольно взглянул на бескрайний ледник. Показания приборов невозможно истолковать двояко. Если рост температуры не прекратится, то стремительное таяние огромной массы льда неизбежно. А у нас всего пять планетарных машин, десяток изношенных аграрных сервов и грузовая антигравитационная платформа. Не тот тип техники, чтобы бороться со стихией.

Боже... что же делать теперь?!

Русанов своего добился. Если он хотел морально раздавить Щедрина, полностью лишить его воли, то выбрал правильное время и место. Перед глазами двоилось. Разыгравшееся воображение рисовало жуткие картины ближайшего будущего.

– Дима, у меня есть четкий план спасения! – повторил Русанов. – Первый удар стихии мы переждем в старом бункере...

– Но он же не оборудован! – неподдельный ужас теперь сквозил в голосе Щедрина. – Я осматривал верхний горизонт. Нет даже разводки энергопитания, сразу за шлюзовыми воротами трещины в скалах! Пустые, темные, сырые помещения!

– Прекрати! – Русанов все же сорвался на крик. – Я не меньше твоего хочу жить! Иди, займись осмотром убежища! Собери группу инженеров! Думайте, как загерметизировать хотя бы один уровень!

Голова Щедрина тряслась, губы дрожали. Он не выдержал точно рассчитанного информационного удара. Смерть, которая казалась вероятной, отдаленной, вдруг приблизилась, заглянула в глаза. Злоба тут же иссякла, оставив мерзкое чувство бессилия, страха.

Он даже не спросил, в чем именно заключается план Русанова, снова посмотрел на показания метеорологической станции, затем перевел взгляд на ледник, глухо спросил:

– Что, прямо сейчас идти?..

– Возьми вездеход. Я пешком прогуляюсь. Для начала переговоры с Ромой Малеховым, введи его в курс дела. Только не вздумай поднимать панику! – каждое слово Русанова било наотмашь, словно пощечина. – Вы раскололи экипаж! Вам и исправлять ошибки!

– Но паника неизбежна!

– Я вернусь через час. Вместе с Малеховым собери начальников отделов и научных групп – вас они послушают. Остальное предоставь мне. Паники не будет, если каждый займется делом! Все. Митинги окончены. Ты со мной согласен?

Щедрин ничего не ответил. Он молча развернулся и побрел к вездеходу.

* * *

Глухо взревел двигатель машины. Русанов даже не обернулся.

– Вы совершаете ошибку за ошибкой, – продолжая наблюдать за ледником, произнес андроид. Он слышал разговор и сделал свой собственный вывод.

– Вот как? – Русанов неприязненно взглянул в спину человеческому подобию. – И в чем же заключаются мои промахи?

– Нельзя пренебрегать нуждами людей.

– Нужды делают людей более сговорчивыми, – цинично ответил Русанов.

– Я несколько лет руководил колонией, – будто не услышав его, продолжил андроид. – Страх – губительное чувство. Оно уничтожает здравый смысл. Мне кажется, Андрей Игоревич, вы преследуете сугубо личные цели, а на остальных вам плевать!

– Несомненно. Я эгоист. И знаешь, в чем моя цель? Возродить корпорацию, сплотить людей, объединить земные и инопланетные технологии! Построить хорошо защищенный город! Воссоздать утраченную технику! Вновь выйти в космос...

– Вы пренебрегаете людьми, презираете их, – упрямо повторил андроид. – Не важно, насколько хороша конечная цель. Она не оправдывает средств, избранных для ее достижения!

– Не смей повышать на меня голос!

– Для меня многое выглядит странным! – не унимался андроид.

– Например?

– Почему полвека спустя после крушения вдруг включился аварийный маяк спасательного сегмента? Когда мы отыскивали его и проникли внутрь, работала только одна криогенная камера из трех! Не странно ли? Ее источник энергии показывал семьдесят процентов заряда, когда два других давно истощились!

– Да вы все просто сговорились! – вспыхнул Русанов. – Как я могу отвечать за действия автоматики?!

– В этом и вопрос! Автоматика не делает предпочтений! Система спасательного сегмента не могла перераспределить энергию, убив двух человек в пользу третьего!

Русанов вдруг смертельно побледнел. Андроид уже не просто раздражал его своими независимыми суждениями, он превратился в реальную угрозу! В отличие от людей, им невозможно манипулировать. Сорок девять лет саморазвития превратили обыкновенную бытовую машину в личность, настоящий искусственный интеллект, который не утомится, пока не докопается до правды!

– Будь добр, подойди сюда! – он унял злобу, изобразил испуг.

Андроид послушно встал, подошел к нему. Он прекрасно различал нюансы интонаций человеческого голоса.

– Вы что-то заметили? – обеспокоенно спросил он, зная, сколько различных тварей обитает во льдах. – Вечно голодные, они не гнушаются ничем.

– Видишь силуэт в глубине ущелья? Вон там. Да нет, дальше!

– Но там никого нет!..

Резкий удар в спину толкнул андроида в пропасть. Русанов с трудом удержался на краю, несколько секунд балансировал руками, затем шумно перевел дыхание, взглянул вниз.

Изломанная человекоподобная фигура темнела среди камней и льда. Мгновенное сканирование показало затухающую энергоматрицу. Отлично. Еще одной проблемой меньше, он успокоил дыхание и, будто ничего не произошло, направился к старой дороге, выходящей между скал.

Импульсивный, иррациональный поступок его не взволновал. Андроид, безусловно, пригодился бы в будущем, но – Русанов желчно усмехнулся, отменяя проблему, – техникам его не отдашь, наболтает лишнего. Да и в концепцию общего информационного поля, основанного на явлении технологической телепатии, искусственный интеллект никак не вписывался.

Шагая по дороге, он обдумывал планы на ближайшее будущее.

С бунтом покончено. Щедрин и Малехов теперь в лепешку разобьются, лишь бы восстановить единство экипажа. Людьми легко управлять в ситуациях, когда речь идет о жизни и смерти.

«Старое колониальное убежище нас не спасет, – Русанов отчетливо представлял масштаб и силу надвигающейся катастрофы. – Но мы должны продержаться, пока исследования Метелина не дадут результат».

Способны ли пятьсот человек, истощенных, доведенных до крайности, изменить ход истории нескольких цивилизаций?

Русанов был убежден – да! Он считал себя первоклассным психологом, видел и понимал намного больше любого из подчиненных и потому оставлял за собой право на принятие единоличных решений.

Его конечная цель находилась выше разума рядовых исполнителей.

Глава 2

*Мы проиграли схватку со стихией.
Масштаб надвигающейся катастрофы трудно было вообразить.
Непогода обрекла едва живых людей на мучительную агонию.
Я ничего не могу сделать. Нам не хватило скудных неприкосновенных
запасов посадочных модулей, чтобы выдержать изоляцию. Силы на исходе...
Андрей Игоревич Русанов.
Последняя запись в личном дневнике*

Пандора. Три месяца спустя...

Дождь хлестал, не прекращаясь ни на минуту. Мутные потоки воды неслись по давно опустевшим улицам, катили угловатые камни; порывы ураганного ветра сминали пелену непогоды, кое-где во вспышках молний виднелись разрушенные каркасы типовых построек первичного колониального поселения.

Раскаты грома звучали все отчетливей, все ближе. Склоны и вершины горных хребтов тонули в непроницаемых облаках.

Вода везде. Она низвергается с небес непрекращающимися ливнями, бьет под напором из трещин в скалах, срывается в пропасти гудящими водопадами, беснуется в теснинах ущелий бурными, стремительными, порожистыми реками.

Лишь несколько городских зданий стойко сопротивлялись напору стихии. Школа, мастерская по ремонту сервомеханизмов и офис колониальной администрации возвышались мрачными утесами; несущиеся по улицам реки пенились, разбиваясь об их прочные цоколи. Брызги долетали до пустых оконных проемов, ветер гулял по этажам, мельчайшая водяная пыль оседала на стенах, сбегала каплями по сохранившемуся пластику отделки.

«История колонизации Пандоры» – стереоснимки на стенде в вестибюле опустевшей школы безнадежно испортила вода, изображения поблекли, покрылись рыжеватыми потеками.

Дождь все хлестал.

Здания, граничащие со скалами, превратились в каскады водопадов. Вода вырывалась из окон и дверей, пенясь, сбегала по ступеням лестниц, террасам.

Главная улица опустевшего города вела к отвесной каменной стене, затем ныряла под арочный свод.

«Колониальное убежище» – гласила потемневшая рельефная надпись над просевшими шлюзовыми воротами, запирающими вход в частично затопленный наклонный тоннель.

* * *

Лера ненавидела себя.

Желание жить боролось с мечтой о смерти. Страх – неизменный судья поединка – изо дня в день констатировал ничью.

Она медленно и бесцельно брела по темным помещениям технического уровня старого колониального убежища, мимо истощенных людей, уже похожих на тени. С низким гулом вращались лопасти огромных промышленных вентиляторов. Потоки влажного воздуха пробирались до костей промозглым холодом.

Кто-то узнавал ее, находил силы кивнуть, кто-то отворачивался, пряча взор, иные не шевелились – им уже стало все равно.

Ее блуждающий взгляд замечал все больше влажных пятен в окаемке из минеральных солей. Кое-где они сливались в сплошную шелушащуюся коросту. Иногда по тонким неровным линиям на стенах удавалось сосчитать, сколько раз вода прорывалась в бункер.

Осветительные панели едва тлели.

Инстинкт самосохранения постепенно сдавал позиции, начинал проигрывать схватку. Выхода нет. Ежедневный рацион урезали – спустя месяц после начала проливных дождей запасы в убежище почти закончились, а единственному молекулярному синтезатору не хватало энергии для нормальной работы.

Она свернула наугад, остановилась подле дверного проема. В небольшой комнате кто-то жил. Лера увидела лежащий на столе кусок пищевого концентрата, внешне похожего на хлеб, и рот мгновенно наполнила слюна. Голова резко закружилась от неодолимого желания впитаться зубами в разбухший от влаги мякиш, и только граничащая с обмороком слабость не позволила это сделать. Она пошатнулась, придерживаясь рукой за стену, вошла в тесное помещение. Может, его обитатель уже умер, и мне никого ни о чем не придется просить? – промелькнула в помутившемся рассудке жестокая надежда.

* * *

Егор Бестужев вздрогнул, стряхивая оцепенение. Нормальный сон остался в прошлом. Краткие периоды забытья в промежутках между внезапными прорывами воды отдыхом не назовешь – так, маета, тяжелая, настороженная дрема.

Нет, звук шагов не послышался. После недавней имплантации он едва не сошел с ума от частых галлюцинаций. Рассудок постоянно балансировал на грани двух мироощущений. Кибернетический расширитель сознания искал, но не находил периферийных устройств. Вода отсекала ангары с техникой, уничтожила компьютерную сеть, и болезненные приступы раздвоения личности превратились в бессмысленное, жестокое испытание.

Сумеречное зрение то появлялось, то исчезало. Глаза Егора слезились, сейчас он различил лишь силуэт, замерший в дверном проеме.

– Заходи, – видеть никого не хотелось, но не прогонять же... Он встал, присмотрелся, пытаясь узнать в истощенной женщине образ из недавнего прошлого. Худоба, граничащая с дистрофией, – отличительная черта землян, следствие постепенного угасания организма в период затянувшегося на десятилетия криогенного сна.

Лера Одорина. Планетолог, наконец подсказала память.

Зябко кутаясь в лохмотья, она смотрела мимо него, на кусок хлеба. Бескровные губы мелко дрожали. На миг Бестужева окатила волна отвращения, затем вдруг вспыхнула злоба, прояснившая зрение. Он невольно перехватил взгляд Одориной и тихо сказал, задавив эмоции:

– Бери. Ешь.

Дрожащая рука Леры непроизвольно потянулась к куску хлеба. Голод сильнее разума. Он сводит с ума, заставляет совершать поступки, которые раньше показались бы дикостью.

Синеватый рисунок вен четко проступал сквозь бледную кожу ее руки. Темные круги под ввалившимися глазами неузнаваемо изменили черты. Она ела торопливо, неряшливо – крошки падали на пол. Желудок Егора ответил спазмом, в мыслях промелькнула и тут же угасла звериная жадность. Он судорожно сглотнул, задержал дыхание. Голова кружилась. Вдруг начало подташнивать.

Где-то в глубинах бункера глухо взвыла сирена.

Прорыв воды?! – воля к жизни встрепенулась на уровне инстинкта, но предельная усталость тут же погасила ее. Егор едва держался на ногах. Несколько перевернутых ящиков, застеленных ворохом влажного тряпья, неодолимо тянули к себе, и он сдался.

– Не пойдешь?

– Нет. Я только что с дежурства, – он прислонился спиной к стене, закрыл глаза.

Лера торопливо доела хлеб, под села к нему, прижалась, пытаясь согреться, отнять частичку тепла.

– А если никто не пойдет? – тихо спросила она.

Сквозь лохмотья одежды он чувствовал ее тело. Кожа, кости и дрожь.

Осветительная панель, сочащаяся желтоватым светом, несколько раз мигнула. Сирена захлебнулась и смолкла.

Он зябко и неприязненно передернул плечами.

Одоруна поняла: ей тут не рады. Она покорно встала, собираясь уйти, но взгляд внезапно выхватил из сумрака прикрепленные к стене листки, они резко диссонировали с обстановкой, невольно привлекали внимание.

– Твои рисунки? – Лера нерешительно остановилась. С удивлением и оторопью она рассматривала скупые карандашные наброски. Первое ощущение – Бестужев сошел с ума...

Ребристая глотка вмерзшего в лед крейсера хонди. Проломленная пасть шлюза. Неподвижные тела хондийских бойцов, скованные лютым холодом, припорошенные снегом на границе искрящегося света и антрацитовый тьмы. Композиция вызвала инстинктивное отторжение, некоторые, наиболее отвратительные для человеческого восприятия детали были прорисованы тщательно, реалистично, остальные смазаны, заретушированы.

Листки пластбумаги частично накладывались друг на друга, образуя коллаж.

Десятки образов, искаженных болью, страданием, смертью, смотрели на нее со стены.

Эшранг с перебитыми крыльями, в стремнине мутного порожистого потока. Его клюв полуоткрыт в немом клекоте, безвольные складки кожистых крыльев волнистой судорогой стекают в грязь. Косой дождь превратил лоснящуюся шерстку в свалывшиеся клочья. Мощные лапы нелетающей птицы судорожно вцепились в камни, глаза выпучены, веки набрякли морщинами, в облике – абсолютная безысходность, понимание – еще секунда, и несущаяся с гор вода собьет его, потащит вниз, ломая кости, обдирая кожу...

На следующем рисунке был изображен ц'ост. Существо, способное к мгновенным метаморфозам, практически неуязвимое, попало в ловушку тектонического разлома.

Пламя недр пожирало его. Передний план изображения заполнял огромный, полный отчаянья глаз и невероятно длинная рука, похожая на канат из обнаженных, покрытых ожогами кровоточащих мышц. Стадия незавершенной метаморфозы, тщетная попытка спастись, вырваться из всплеска пузырящейся лавы.

Лера вдруг перестала дышать. Следующее изображение оглушило ее.

Низкий свод затопленного тоннеля. Пузырь воздуха под потолком. Обрывки кабелей. Разбитая осветительная панель. Неузнаваемое, искаженное агонией человеческое лицо.

Спазмом сдавило грудь. Голова резко закружилась. Ей не хватало воздуха.

И снова хонди. Фрагменты разорванных тел. Бурые кляксы хитина на подтаявшем от крови льду. В центре изображения – массивная фигура мутанта: обросшего черной шерстью человеческого подобию, с жадностью пожирающего теплую плоть.

Бескрайние льды.

Пламя извержений.

Низкие клокастые тучи. Ослепительные ветви молний. Штрихи дождя.

Нагромождения космических кораблей, либо вмерзших в лед, либо сбитых в бесформенные груды стремительными потоками талых вод.

Сиротливый луч солнца, пробившийся сквозь облака, осветивший изувеченный корпус серва, – на броне механизма видны следы когтей, грудной кожух смят ударом неистовой силы, ядро системы вывалилось наружу, планки нейрочипов болтаются на разлохмаченных обрывках оптических волокон, словно внутренности, а на дне траншеи – пустые обойменные лотки и тусклая россыпь гильз.

Лера пошатнулась, придерживаясь рукой за влажную, шероховатую стену.

Егор Бестужев сидел, низко опустив голову.

– Откуда в тебе столько злобы? – Одорина вновь покосилась на рисунки.

– Злобы? Я рисую то, что видел, пережил. Лучше уходи. Не лезь в душу.

Земляне и пандорианцы плохо понимали друг друга. История колонизации Пандоры полна трагизма, но если коренные уроженцы планеты привыкли смотреть в глаза реальности, то люди с Земли отвергали ее, видели в окружающем лишь крах надежд, лживые обещания, они чувствовали себя обманутыми, похороненными заживо, бессильными что-либо изменить.

Одорина не ушла. Она робко присела на край перевернутого ящика, замерла, глядя в сумрак.

– Зачем вы вообще покинули Землю? – с ожесточением спросил Егор. После имплантации он получил доступ к огромным объемам данных, смог воочию увидеть величайшие города потерянной навсегда прародины, с внутренним трепетом познал техническую мощь цивилизации. – Почему вы бежали?

– Ты никогда нас не поймешь, – всхлипнула она, придвинулась ближе, вновь инстинктивно ища спасения от холода и безысходности. Ее глаза закрылись. Егор машинально гладил спутанные волосы, испытывая растущее отвращение к себе. Земляне казались ему нерешительными, мягкотелыми, эгоистичными.

Научная интеллектуальная элита – так называл их Русанов. Он говорил: в экипаже «Прометей» не было случайных людей. «И мы надеялись, – с ожесточением думал Егор. – Надеялись, что все изменится с пробуждением «спящих»!»

Одорина вдруг обмякла, тяжело и безвольно навалилась на его плечо.

Потеряла сознание.

Он высвободился, проверил ее пульс, подложил под голову Леры ворох влажного тряпья.

Тяжелые мысли ворочались, как булыжники.

Надежда умерла. Нам не выжить. Месяц назад все пошло прахом. Внезапный удар землетрясения нарушил герметичность убежища, вода хлынула в бункер. Русанов погиб на глазах Егора. Его сбило и унесло бесноватым потоком. Оборудование, собранное по крохам, уничтожено. Единственный генератор работает на износ. Протянем еще неделю или две. И что дальше?

Выхода нет, но и сидеть сложа руки невыносимо.

Егор встал и медленно побрел на звук прорвавшейся в бункер воды.

* * *

Трещина в стене оказалась небольшой. Ревун отключили. Мокрые, похожие на тени фигуры боролись молча, отчаянно. В ход шли подручные средства, запас специального пенящегося герметика давно закончился. Без него воду полностью не остановить, можно лишь сдерживать напор, превратить бьющий из стены фонтан в сочащийся ручеек.

– Межуровневый люк! Открыть! – Родион Бутов стоял по колено в ледяной воде. – Быстрее! Ты и ты! – он заметил Щедрина и Малехова. – Бегом за строительными блоками! Шевелитесь, нужно соорудить дамбу в дверном проеме!

Егора трясло от усталости и холода. Обдирая пальцы, он попытался приподнять люк, но ничего не вышло.

– Держи! – кто-то подал ему заржавевший кусок арматуры. – Рычаг!

Он попробовал еще раз. Получилось. Вода с ревом устремилась вниз, к давно затопленным залам, но ее темная поверхность всколыхнулась волнами совсем близко, едва не перехлестнула через край горловины.

Все. Экстренные сбросы больше не помогут.

Родион молча присел рядом. Его одежда промокла, на осунувшемся лице резко обозначились скулы.

– Держись?

– По-разному, – Егор сглотнул. – Родька, вода всего в метре под перекрытием, – выдавил он. – Если дожди не прекратятся, нас окончательно затопит...

Бутов молча покосился в сторону Щедрина и Малехова, затем тихо произнес:

– Действовать надо. Самим. Как привыкли.

Роман Малехов, крихтя, приподнял тяжелый стеклобетонный блок, установил его поверх других.

– Чего шепчетесь? – Он скривился от боли в растянутом запястье.

Егор угрожающе привстал. Неприязнь к уроженцам Земли упорно искала выход.

– Заткнись и работай! – сипло выдавил он.

– А ты будешь сидеть?

Тяжелый взгляд обжег Малехова. Ржавый кусок арматуры в руке Бестужева не предвещал ничего хорошего. Видимо, у парня совсем крыша поехала, вон глаза горят, словно у сумасшедшего. Слово поперек – убьет.

– Эй, ну хватит! – Дима Щедрин перешагнул через низкую кладку. – Остынь! Ну чисто звереныш! – тяжело дыша, выругался он. – Всем тяжело!

– Егор, не надо! – Родион перехватил руку друга.

Бестужев с трудом разжал пальцы. Согнутый кусок арматуры со звоном упал на пол.

– Не могут ничего дельного придумать, так пусть работают! – Вспышка ярости не отпустила. – Какой от вас толк?!

Малехов опустил взгляд.

– Егор, мы бессильны перед стихией.

– Русанов так не думал!

– Русанов погиб! – Малехов исподлобья наблюдал за двумя уроженцами Пандоры. – Ну, искалечим друг друга. А что дальше?!

– Сидеть и ждать смерти – тоже не выход!

– Что предлагаешь? – Щуплый долговязый Дима Щедрин постоянно лез на рожон при каждой возможности.

– Действовать! – ничего не поясняя, отрезал Егор. – Вы же – научная элита! – не удержался, с вызовом добавил он.

Малехов лишь покачал головой, глядя, как вода, закручиваясь воронкой, уходит в темную горловину люка.

– Мы отрезаны от поверхности! Ангары с техникой затоплены! Энергии нет! Люди едва держатся на ногах! Никаких шансов. – Он тряхнул головой. – Ты пойми, Егор, я бы рад найти решение, но не могу! Знания сами по себе, без технологической базы, ничего не решают! Да, я мог бы собрать необходимые устройства, но из чего?! Водородный двигатель не соорудить из камней! Гидропонику не наладить без освещения, без семян растений, без элементарных химических производств! Что мне сделать для тебя? Каменный топор?

– Так. – Родион обвел хмурым взглядом людей, явившихся на шум. – А ну, расходитесь. Нечего толпиться. Прорыв воды ликвидирован!

* * *

Все разошлись, лишь Родион и Егор остались в темном подтопленном отсеке.

– Паша где?

– В своем «тактическом центре», где же еще? – ответил Родька. – Работает, словно одержимый. После имплантации в науку ударился. Эти, ну как его... МаРЗы запускает. Я вчера

заходил, попробовал заикнуться, что разведка территорий теперь бесполезна, так он зыркнул на меня, – веришь, мурашки по коже.

– Пошли к нему, – предложил Егор.

Родион недоуменно пожал плечами. Надежда таяла с каждым днем. Пока Русанов был жив, в бункере еще сохранялось подобие порядка, дисциплины, теперь же каждый сам по себе. Кто-то слег, отчаялся, другие обзвонились, третьи по инерции продолжали работать, пытаясь заполнить пустоту неизбежности, отчаянья, отказываясь понимать, что из создавшегося положения нет выхода.

– Ладно, пошли, – нехотя согласился Родион.

В дальней части технического уровня стрекотал генератор. Изношенный водородный двигатель, снятый с планетарной машины, работал неровно, с перебоями.

Приглушенный свет холодных оттенков проникал в коридор сквозь дверной проем бывшего склада, где Павел Стременков организовал свой импровизированный «тактический центр».

Трое друзей в последнее время виделись редко.

Винной всему имплантация. Семена знаний, посеянные Русановым, приживались очень тяжело. Егор с трудом перенес операцию по вживлению кибернетических модулей, стал молчаливым, замкнутым. Он не возражал против идеологии «необходимого научного прорыва», но и не загорелся ею. Огромные объемы данных, насильно закачанные в рассудок, напоминали о себе постоянными приступами дикой головной боли, не давали спать, приносили лишь вред.

Родион по поводу имплантации угрюмо молчал. Единое информационное поле, откуда, по замыслу Русанова, каждый мог бы черпать необходимые знания, исчезло во время первого прорыва воды, когда рухнула компьютерная сеть убежища, а идея технологической телепатии, основанной на прямом контакте между имплантами, вызывала у Родиона стойкое отвращение. Однажды он попытался воспользоваться вживленным модулем «технотелп», но реакция со стороны землян оказалась, мягко говоря, неадекватной. Вместо ответов на интересующие вопросы он получил обрывочные, эмоционально окрашенные мысленные образы, от которых возникло желание вообще заглушить имплант и больше никогда его не использовать.

– Пашка, привет!

Стременков даже не обернулся. В помещении склада работала голографическая модель территорий. Тусклый холодный свет струился в полуметре над полом, формируя рельефную карту полушарий Пандоры.

Основу самодельного тактического комплекса составляла кибернетическая система, снятая с планетарной машины, чей двигатель работал сейчас в качестве привода для генератора. Повсюду на перевернутых пустых ящиках перемигивались индикаторами лишенные корпусов компьютерные блоки, их соединяли оптические кабели, два МаРЗа парили в воздухе, передавая данные через устройства беспроводной связи.

– Паша, отвлекись на минуту! – Егор коснулся его плеча.

Стременков медленно повернулся.

– Чего тебе?! – раздраженно спросил он.

Егор с трудом узнал друга. Одутловатое лицо утратило прежние черты. Под глазами набрякли мешки. Нервный, воспаленный, пронзительный взгляд действительно вызывал дрожь.

– Родька, ну-ка, помоги мне!

Вдвоем они усадили Павла на один из ящиков, кое-как привели в чувство при помощи воды и двух пощечин.

– Эй, полегче! – Худые пальцы перехватили руку Егора, цепко, до боли сжали запястье. Безумный, лихорадочный блеск в глазах Стременкова медленно угасал. Искра индикации на его височном импланте взморгивала все реже.

– Ну? Вернулся? – Родион присел на корточки. – Совсем крыша поехала?

– Процессорной мощности не хватает... – с трудом выдавил Павел, нашел взглядом пластиковую бутылку с водой, жадно схватил ее, стал пить большими судорожными глотками.

– Ты что, напрямую подключился к системе?! Через имплант?! – догадался Егор.

– Ну а какие варианты? – огрызнулся Стременков. – Компьютеры накрылись! Все вода уничтожила!

– А использовать свой мозг как вычислительное устройство – это, по-твоему, нормально?! – возмутился Родион.

Стременков промолчал.

Он не разделял общих настроений. Из троих друзей Павел первым прошел через имплантацию. Семена знаний в его случае дали жизнеспособный росток. Пока работала компьютерная сеть, он успел впитать идеологию необходимого научного прорыва, не замечая, как постоянная напряженная работа в сети постепенно заморозила душу, мобилизовав только рассудок.

Русанов успел многое. Он фактически уравнил поколения, стер границы, создал всеобщее информационное поле, совершил дерзкую попытку объединить людей в рамках единой ментально-кибернетической сети.

«Не важно, родился ты здесь, на Пандоре, или прибыл из Солнечной системы, на борту легендарного «Прометея», – говорил он. – Знания землян, объединенные с опытом выживания пандорианцев, – наше единственное оружие против стихии».

Русанову удалось создать интеллектуальный кулак, но куда он ударит, что сокрушит теперь, когда исчезла направляющая его сила, а воля людей стремительно угасает?

– Вы ничего не понимаете! Я хочу жить! – Стременков сник, плечи ссутулились. – И не брошу работу, понятно?! – с ожесточением добавил он.

– Почему нам ничего не сказал? Помогли бы! Ну чем ты тут занят? – Родион хотел лишь ободрить друга.

– Обрабатываю данные с МаРЗов, – взгляд Стременкова немного ожил.

Егор взглянул на голографическую карту полушарий, усеянную различными маркерами. Данные за последний месяц. Температура воздуха, интенсивность таяния льдов, движение водных масс. Динамика выглядела неутешительно. Климатическая катастрофа набирала мощь.

«Наши дни сочтены, – мысль уже не обжигала, воспринималась как неизбежность. – К чему теперь сведения о погоде?»

– Нам бы выжить, – Егор взглянул на разведывательные зонды. – Какой от них толк?

– Русанов регулярно запускал МаРЗы. Некоторые вернулись недавно. Я хочу разобраться, зачем он следил за территориями?

– Разве непонятно?

– Нет. Климат тут ни при чем! – убежденно ответил Стременков. – Для мониторинга окружающей среды достаточно стационарных сканирующих комплексов! МаРЗы – разведчики. Они что-то искали! Я пока не обработал всех данных. Может, в них наше спасение?

– Говоря проще, ты еще не до конца убил свой мозг? – насупился Родион.

– Я продолжу. Верю, у Андрея Игоревича был план спасения! – упрямо ответил Стременков.

– Да, и он накрылся! – Егор уселся на ящик. – Не понимаю. Все одно к одному. Столько надежд, и все прахом! Мы провели в мобильном центре имплантации месяц. Зачем? Что происходило за это время? Куда подевался наш андроид?

– Да, он бы сейчас пригодился, – вздохнул Родион. – Да и просто жаль его. Русанов говорил, было нападение мутантов.

– Подождите, ребята... – Егор нахмурился, что-то припоминая. – Я ведь сообщение от андроида получил!

– И молчал?

– Значения не придал. Пришло еще перед прорывом воды. Думал – сбой в сети, – он наморщил лоб, пытаясь вызвать в памяти то странное послание. – Какая-то схема. Похоже на фрагмент чертежа. Дайте бумагу, нарисую!

Через пару минут он показал изображение.

– Вроде почерк Русанова? – Стременков заинтересовался написанной от руки резолюцией. – Не узнаю, что за помещения?

– Надо бы разузнать. Тут написано о каких-то лабораториях и генераторе!

– Наверное, тот, что работает? – предположил Родька.

– Нет, – ответил Егор. – Планировка помещений совсем другая!

– У Малехова спросите. Он, может быть, в курсе? Второй генератор нам здорово бы жизнь облегчил! – сказал Стременков. – В общем, разбирайтесь. А я пока тут продолжу.

– Ну, пошли, спросим, может, и правда Щедрин или Малехов в курсе? – Родион тут же загорелся идеей. – Все лучше, чем сидеть без дела!

* * *

– Малехов! Постой!

– Ну? – Он обернулся.

– Роман Степанович, – Егор протянул начерченную от руки схему, – можешь объяснить, что это значит?

Малехов расправил листок, взглянул на изображение.

– Откуда ты его взял? – В глазах появился интерес.

– Из электронного сообщения. Пришло на мое имя сразу после имплантации.

– Ну, какая-то схема. Часть бункера, полагаю? Я при чем?

– Почерк Русанова узнаешь? – Егор чиркнул пальцем по резолюции.

– Да, его рука. Отсканировано, что ли?

Бестужев пожал плечами.

– Оригинал документа наверняка взят из архива колонии, – сказал Родион. – Я помню, Русанов интересовался планами бункера.

– Архив эвакуировали?

– Нет, не успели.

– Значит, он работал с планами убежища до катастрофы? – Малехов еще раз внимательно взглянул на листок. – Интересно. Автономная схема энергопитания. Метелин... – Он наморщил лоб, вспоминая – Метелин... А, этот, из «аквариума»!

Незнакомый термин резанул слух.

– Объясни, что за «аквариум» такой? – вмешался Родион.

– Сленговое словечко. Так мы называли изолированные научные группы. Чем они занимались, знал только Андрей Игоревич. Сборища гениев, этого не отнять, но в остальном людишки совершенно никчемные. – Малехов скривился. – «За ваши деньги любой каприз», сечете?

– Нет, – ответил Егор. Язык землян изобиловал странными словами и выражениями.

– Ладно, неважно. Чем могу помочь?

– Тут упоминаются какие-то лаборатории и генератор. Нам нужна энергия. Что, если он в рабочем состоянии? – Бестужева интересовала только насущная, злободневная сторона вопроса. – Ты извини, Роман Степанович. Действительно, чем морды друг другу бить, давай вместе думать, как людей спасти?

Малехов помрачнел.

– Егор, мы никого не спасем. Раньше надо было думать. Я ведь честно тебе ответил: против стихии не попрешь!

– Второй генератор даст достаточно мощности для работы синтезатора пищи! – нервно возразил Родион. В подобных диалогах он быстро терял терпение. – Будем действовать или как?

Малехов едва держался на ногах. Он уже почти перешагнул черту, за которой ждало полное безразличие, апатия. Упрямство пандорианцев его злило, он искренне считал, что выхода нет.

– От меня чего хотите? Не узнаю я этих помещений! И не в курсе, что там задумывал Русанов. Он со мной планами не делился!

– Нужен всеобщий опрос, – неожиданно заявил Егор. – Прямая связь между имплантами. Кто-то ведь в курсе, где находятся эти помещения? Тот же Метелин или как его там?!

– Если жив еще, – вздохнул Малехов. – Сами-то понимаете, о чем просите?

– Нас – пятьсот четыре человека! – напомнил Бестужев. – Что, с листком всех обходить? Я читал заметки Русанова накануне собственной имплантации. Он считает техническую телепатию допустимой и полезной!

Малехов задумал, затем все же кивнул:

– Ладно, сейчас попробую, – ему явно не нравилась затея Бестужева. – Дайте только с силами собраться, – попросил он. – Вы пока Щедрина найдите.

– Он-то нам зачем? – насупился Егор.

– А кто генератор запустит, если найдем лаборатории?

– Сами разберемся!

– Нет, парни, так не пойдет! Он первоклассный инженер!

– Егор, не тупи! – Бутов подошел, шепнул что-то на ухо другу.

– Ладно, найди его, я тут побуду – Бестужев присел на влажный от конденсата стеклобетонный блок.

Малехов вернул ему листок.

– Разверни и держи у меня перед глазами. Нет, чуть дальше. Да, вот так, хорошо... – Роман Степанович замер, его зрачки сузились, взгляд впился в схему.

Прямое соединение между имплантами – мысленная связь в рамках беспроводной сети – использовалось очень редко. Устройство чтения и передачи мысленных образов на Земле находилось под запретом, но Русанов законами пренебрегал. Он считал «сырую» технологию весьма перспективной и даже необходимой при освоении иных звездных систем. По его мнению, незначительная киборгизация человеческого мозга открывала широчайшие возможности – Егор хорошо помнил заметки, с которыми ознакомился накануне имплантации. Объединение знаний, обмен практическим опытом, разработка и внедрение мнемонических интерфейсов управления космическими кораблями и планетарной техникой, мгновенное оповещение всех жителей колонии в случае нештатных ситуаций – вот краткий, неполный список возможностей, которые планировалось реализовать на практике.

«Но технология действительно «сырая», – невольно подумал он, взглянув на Романа Степановича.

Малехова вдруг начало трясти. Пот выступил на лбу, вены вздулись, зрачки расширились. В убежище, помимо обычных звуков, возник и постепенно нарастал невнятный шум голосов. Прямое соединение рассудков вырвало колонистов из состояния апатии, неожиданный опрос сопровождался внешней, насильственной активацией их имплантов.

На Земле за подобные действия грозил пожизненный срок, но Русанов, основав поселение на Эриде, уже не обращал внимания на такие «мелочи», как международное право. По его прямому распоряжению импланты всех участников проекта «Прометей» были оснащены дополнительными программными модулями «техтелп», способными объединяться в сеть.

Лицо Малехова тем временем посерело.

Опрос пятисот человек исказил его сознание, прервал естественные процессы мышления, задействовал мозг в качестве нейрокомпьютера, отправляющего и обрабатывающего запросы.

Люди реагировали непредсказуемо. Большинство в эти секунды испытывало чувство острой немотивированной тревоги, граничащей с паникой, даже те, кто слег, отчаялся, окончательно обессилел, приходили в себя, медленно вставали, цепляясь за стены, не понимая, что происходит.

Жуткие выкрики прорезались сквозь шум.

Стылый полузатопленный бункер в эти минуты походил на сумеречную иллюстрацию к древним мифам.

Роман Степанович вдруг забился в судороге. Перекошенный рот, хрип, струйка слюны, безумный взгляд – листок дрогнул в руках Егора, он уронил его, успел поддержать Малехова, не дал ему упасть.

– Пей! – Он сначала плеснул воды в лицо, затем заставил сделать несколько судорожных глотков.

– Нашел... здесь... На техническом уровне...

– Запомнил?

– Бумагу дай... И чем начертить...

Егор подобрал намокший листок. Огрызок карандаша он по привычке всегда носил с собой.

– Держи. Присядь. Спиной обопрись о стену!

Руки Малехова дрожали. Линии выходили неровными, он с трудом дополнил схему, замер, запрокинув голову.

Из сумрака появились Щедрин с Бутовым.

– Рома, ты что творишь?!

– Дим, заткнись, дай отдышаться.

– Программа не проверена! Ты убить всех решил?

Родион цепко схватил Щедрина за плечо, вытолкнул назад в коридор.

– Дай ему прийти в себя!

* * *

– Тут недалеко. В подтопленной части, – Бестужев рассматривал схему. – Кто хоть откликнулся?

– Все... – надрывно прохрипел Малехов. – Егор, помоги встать... Пойдем посмотрим. И Родиона уйми, а то он Диму придушит. Никогда не думал, что соглашусь на такое. Веришь?

– Ты ни разу не работал в мнемонической сети?

– Нет. Голая теория. До испытаний дело так и не дошло.

– Но ведь сработало!

– Не знаю, стоит ли того информация. Я словно окунулся в болото... Жижа кругом. Захлебываюсь. Тону. Мысли обрывочные. Не мои.

– С киберсистемами так же?

– Нет. По-другому. Просто. Понятно. Без боли.

Они вышли в коридор. Бутов со Щедриным, вопреки опасениям, спокойно о чем-то говорили.

– Родька, Дима, пошли, – Бестужев указал на перекресток тоннелей. – Тут направо.

Минут десять они шли по темным подтопленным коридорам.

Наконец впереди показался еще один перекресток тоннелей.

– Еще раз направо, – Егор сверился со схемой.

Стоило свернуть, как впереди обнаружилась невысокая дамба. За ней плескалась вода, доходила до колен.

Эту часть технического уровня подтопило давно. Сюда никто не заглядывал.

Малехов остановился, зачерпнул пригоршню воды, омыл лицо, фыркнул.

– Бодрость, – невольно произнес он. – Словно стимуляторов наглотался. И звон в ушах.

– Запах тут странный, – Родион насторожился, принюхался. – Так воняют хонди.

– Токсин?

Щедрин включил анализатор, кивнул.

– Очень слабая концентрация. Ну и нюх у тебя!

– Хонди? В бункере? – недоверчиво переспросил Малехов.

– Нечего гадать. Сейчас проверим.

– У нас даже оружия нет! – забеспокоился Щедрин.

– У кого как, – Родион выдернул из-за пояса пистолет, коснулся сенсора, активируя электромагнитный затвор. – Пошли, – он первым шагнул вперед, позабыв о схеме, ориентируясь на тонкий, едва уловимый запах.

Метров через двадцать к щекочущему обоняние нейротоксину добавились и другие флюиды, сладковатые, тошнотворные.

– Трупы, – уверенно заявил Бестужев. – Водой, наверное, принесло, через разломы во время землетрясения.

Щедрин включил фонарик, осветил стену.

Связки кабелей тянулись под потолком, сворачивали, ветвились.

– Тут дверь! – удивленно воскликнул Родион.

Да, действительно странно! Колониальное убежище было построено давно. Оборудовать его не успели. Помещения, вырезанные в скалах, никогда не использовались.

Из-за приоткрытой двери истекал смрад.

– Я дальше пройду, – Щедрин по-прежнему светил на кабели. – Генератор где-то там, – луч фонарика метнулся по стенам, осветил еще один перекресток тоннелей.

– Давай, только не заблудись, – откликнулся Бестужев. Вслед за Бутовым он боком протиснулся в полуоткрытый дверной проем, замер.

Огромное помещение тонуло во мраке.

– Ничего не вижу, – Малехов достал из кармана одноразовый химический факел, сжал его. Красный свет брызнул тенью, вырвал из тьмы длинный ряд камер биологической реконструкции, лег зигзагами на прозрачные каплевидные крышки – пять из них были приподняты, остальные плотно закрыты.

Егор и Родион молча переглянулись.

Вода и здесь доходила до колен. Ни один из компьютерных терминалов не работал. Тошнотворный запах заполнял помещение.

– Посвети, Роман Степанович!

Малехов подошел. В искрящемся свете тело хондийского бойца, помещенного внутри биореструктивной камеры, выглядело изломанным. Хитиновые части экзоскелета вспучились, между ними появились зазоры, разлагающаяся плоть вздулась, сухожилия, скрепляющие отдельные элементы природного панциря, кое-где лопнули.

Боевую особь опутывали провода. Сотни датчиков, прикрепленных снаружи или внедренных внутрь, через специально просверленные в хитине отверстия, были похожи на паутину, сам же хонди – на жертву, попавшую в силки высоких технологий.

Малехов грубо выругался, Егор, поведавший всякое, невольно отступил на шаг, Родион замер, будто окаменел, но их замешательство длилось недолго. В ледниках Пандоры и не такое увидишь, хотя что греха таить: ознобом пробирало до костей от вида кибернетических компонентов, внедренных в полуразложившееся тело существа иной космической расы.

– Почему мы ничего не знали? – голос Бестужева разбил тяжелую тишину.

Малехов хотел ответить, но не смог. Горло сжал спазм. От смрада и открывшихся взгляду картин желудок начало выворачивать.

Он согнулся, уронил в воду хис-факел³, но тот не погас.

Бутов наклонился, подобрал его, высоко поднял руку, освещая другие камеры.

Рабочий хонди... Разумная особь... Он приподнял следующий колпак, заглянул внутрь.

Жутковато. Внутри камеры биологической реконструкции специальные захваты удерживали эндоостов андроида. Сервомоторы и ядро системы располагались на своих местах, но, кроме них, металлокерамический скелет оплетали нервы, фрагменты мускулатуры и железы!

Вот откуда исходил стойкий запах токсина!

– Осмотрюсь, – скупое произнес Родион.

Егор отвернулся, подошел к Малехову.

Злоба, еще недавно преобладавшая в мыслях, исчезла. Вид изуродованных тел хонди вмиг поменял знаки восприятия.

– Ты как?

– Нормально, – прохрипел Малехов.

– Почему мы не в курсе?

– Вчера родился, Егор? Русанов никогда ни перед кем не отчитывался. А его «золотые рыбки» из «аквариумов» никогда не болтали о своей работе.

– Зачем? – Бестужев пытался понять смысл жуткого даже на его взгляд эксперимента.

– Зачем исследовать хонди? Понятия не имею!

– Метелин? Он знает?

– Угу... Только ты из него и слова не вытянешь. Он Русанова боится пуще смерти.

– Андрей Игоревич погиб.

– Ну, да... верно... – Малехов вновь судорожно закашлялся.

Красное пятно света возвращалось. Бутов обошел периметр стен.

– Там фрагменты обшивки хондийских кораблей, – скупое сообщил он. – Надо разобратся, что тут вообще происходило за нашими спинами!

– Метелин не станет ничего говорить, – повторил Малехов.

– А мы посмотрим, – холодно ответил Родион.

– Эй, вы там не задохнулись? Я генератор нашел! – послышался из коридора голос Щедрина.

– Иди к нам. Тут есть на что взглянуть.

* * *

Вонь стояла жуткая.

– Предупреждать надо! – Щедрин скривился от удушливого, разъедающего запаха. Надолго его выдержки не хватило: едва взглянув на содержимое камер биореконструкции, Дима, выпучив глаза, ринулся назад в коридор.

Факел погас.

– Генератор исправен? – Бутов вышел в коридор, встряхнул согнувшегося пополам Щедрина.

– Можно попытаться запустить, – в промежутках между спазмами выдохнул тот.

– Иди. Наладь освещение и вентиляцию. Помощь нужна?

– Нет. – Щедрин обрадовался поручению, кое-как встал, побрел по коридору.

Родион проводил его взглядом, вернулся в лабораторию.

---

³ Хис – химический источник света.

Малехов и Бестужев попались навстречу. Оба дышали через смоченную водой ткань.

– Давай отсюда! – глухо приказал Егор. – Токсин. Наверное, из камеры, что ты открыл!

– Та, где эндоостов?

Бестужев кивнул. Его глаза покраснели и слезились, на бледной коже выступили пунцовые пятна.

– Дверь! – прохрипел Малехов. – Не поддается!

Вместе они навалились на массивную преграду. Протяжно скрипнул уже тронутый ржавчиной механизм.

– Порядок. Уплотнитель вроде не поврежден, – Роман Степанович привалился к стене, часто, прерывисто дыша.

– Родька, – Бестужев отозвал друга в сторону, – надо Метелина найти. Он наверняка в старом цеху. Там большинство ученых.

– Ладно. Схожу, посмотрю. Если что, приволоку его силой. Ты за Щедриным присмотри. Он должен генератор наладить.

– Угу. Свет и вентиляция не помешают.

– Вы что задумали, парни? – Малехов отдышался, снова полез с вопросами.

– Разобраться хотим, – скупно ответил Егор.

– В чем?

– Зачем Русанову понадобилось экспериментировать с хонди.

– Это сейчас важно?

– У него ведь был план нашего спасения?

– Егор, я тебя порой совсем не понимаю. Ты считаешь Русанова непогрешимым? Он для пандорианцев что-то вроде божества?

– Почему ты так думаешь? – Егор присел рядом. – Давай, Роман Степанович, поговорим начистоту. Ненавидишь его? Даже мертвого?

– Жизни ты не видел. – Малехов попытался уйти от темы, но Бестужев не поддался на неуклюжую уловку.

– Побольше твоего повидал! – огрызнулся он, но тут же понизил голос: – Ты боишься и ненавидишь, я ведь чувствую. Для меня Русанов был символом надежды. Он нам ее подарил!

– Понимаю. Но не делайте из него идола, в конце-то концов! Русанов человек, как все мы! Со своими недостатками. За его ошибки мы, между прочим, сейчас и платим!

Бестужев насупился. Между Малеховым и Русановым стояло что-то личное. Не Андрей Игоревич вызвал климатическую катастрофу. Не он растопил льды. Не по его вине лопнули при землетрясении стены колониального убежища. Но он первым за всю историю существования колонии дал отпор эшрангам, наглядно показал, что люди могут постоять за себя!

Злые мысли взбудоражили сознание. Хотелось выплеснуть их Малехову в лицо, но Егор сдержался – не время сейчас кидаться друг на друга!

– Он погубил «Прометей»! – Роман Степанович все же завелся, принял вызов.

– Никто не знает, как погиб колониальный транспорт!

– То-то Русанов и вцепился в архив первичного поселения! Я проверял: все отчеты за первый год колонизации исчезли!

– Ты был знаком с моим прадедом?

– Бестужевым? Ну, да, пересекались. Хотя друзьями нас назвать сложно.

– Разве экипаж не одна семья?

– Нет, Егор. Ты, конечно, горя хлебнул, как все пандорианцы, но очень многого не понимаешь. Русанов разделял и властвовал. Андрей Бестужев был планетологом. А я – сервоинженер.

– Ну и что?

– Разные отделы корпорации. Мы не контактировали. В лучшем случае – случайно пересекались или общались в сети, когда появлялась задача, которую не решить силами одной научной или инженерной группы.

– Но ты знал Андрея Бестужева?

– Да, – не понимая, к чему клонит Егор, кивнул Малехов.

– В нашей семье из поколения в поколение передавались записи прадеда. Они относятся к тому роковому дню. Носитель информации пропал, но я помню его содержание наизусть. На колониальный транспорт напали хонди! Они уничтожили корабль, а затем явились сюда, сровняли с землей оборону первичного поселения!

– Да, я слышал эту версию, – усмехнулся Малехов. – Особенно хорошо она звучала в речах Русанова.

– Это не версия!

– Тогда почему хонди, уничтожив «Прометей», прорвав периметр поселения, потеряв несколько кораблей, вдруг остановились, не завершили начатый разгром?

– Мой прадед с ними договорился!

– Вот ты сам и ответил на все вопросы! Ученый-планетолог смог договориться с хонди, спас людей и остатки оборудования, а Русанов – нет! И причина только одна – он считал себя непогрешимым! Ты заблуждаешься, корпорация – это не семья! – Романа Степановича понесло. – Русанов нас разделял, славил, ломал, для каждого у него имелся кнут и пряник!

– Так почему вы не ушли от него?

– Все очень сложно. Ну, возьмем хотя бы меня. Нет, пожалуй, начнем с Земли! Ты понимаешь, что такое перенаселение, лишние люди?

– Нет.

– Представь, что ты никому не нужен. Ты – лишний. Один из миллиардов. Не важно, насколько ты талантлив. На Земле все делали машины. И с каждым годом их становилось все больше. Огромные города постепенно развивались, захватывали целые материки, да и население продолжало расти. Мое поколение родилось и выросло в кварткапсулах – это такие небольшие ячейки мегагорода, индивидуальные, полностью автоматизированные жилые соты.

Егор попытался представить, но воображения не хватило.

– День за днем, год за годом ты никому не нужен, – поначалу Роман Степанович говорил монотонно, но постепенно в его голосе начали прорываться эмоции. – Ты существуешь. Пытаешься найти свое место, призвание, только все впустую. Невозможно себя хоть в чем-то реализовать. Сначала приходит отчаянье, затем дикая скука. Потом наступает апатия. Ты не способен ничего изменить, и от этого опускаются руки. Даже представить не можешь, Егор, как невыносимо ощущать себя лишним! От скуки еще можно спастись, ускользнуть в виртуалку, жить в киберпространстве, захлебываясь грезами, но наступает час неизбежного возвращения в реальный мир, выбираешься из кресла «Вирком», бросаешь случайный взгляд в зеркало и становится тошно... так тошно, что хочется покончить с собой!

Малехов вдруг замолчал, на минуту погрузился в мрачные воспоминания, но через минуту продолжил прерванную мысль:

– Я видел в зеркале отражение жалкого, исхудавшего, питающегося внутривенно существа, которое блуждает в грезах, гадит под себя! Это не жизнь, Егор! Просто поверь мне на слово, если не способен представить. Я ведь получил прекрасное образование, чувствовал, что могу и хочу работать, но хоть голову расшиби о стену, *ты никому не нужен!* Глобальное одиночество внутри человеческого муравейника! – Малехов безнадежно махнул рукой. – Дни, месяцы, годы прозябания!.. Постепенно пришло равнодушие. И вдруг, внезапно, ни с того ни с сего – звонок в дверь. Открываю, а там приятного вида молодой человек в безукоризненном деловом костюме. Первая мысль – ошибся кварткапсулой, а в душе – зависть, по всему видно – он успешен, нужен, востребован! У него взгляд не потухший, глаза живые, держится уверенно.

Егор не заметил, как попал под гипнотическое, вязкое давление. Реальность Пандоры на время отступила, он погрузился в мир, который считал эталоном цивилизации, но хриплый голос Малехова заставил его заглянуть за ширму внешнего лоска огромных городов.

– И кем он оказался? – спросил Бестужев. Ему хотелось услышать продолжение, снова проникнуться незнакомыми, тяжелыми, но захватывающими воображение эмоциями.

– Эмиссаром Русанова.

– Представителем корпорации?

Роман Степанович кивнул.

– Ты не думай, я не жалею ни о чем! Лишь годы спустя, оглядываясь назад, я понял, по какой схеме действовал Русанов. Он просеивал личные данные населения, не сам конечно, – первое, весьма грубое приближение для него составляли экспертные нейросетевые машины, затем список талантливых людей, оказавшихся на обочине жизни, проходил через целый каскад анализирующих программ. Нас распределяли по группам, используя психологические профили, подбирая ключики, – кого-то брали с помощью чистой логики, кому-то обещали деньги, иным предлагали интересную работу и абсолютную защиту, безнаказанность, ведь корпорация, по сути, стояла над законами, она, – Малехов запнулся, – как бы тебе объяснить? Она стала системообразующим элементом, без «Сибири» экономика России – страны, где я родился и жил, – попросту бы разрушилась, и потому Русанову многое сходило с рук. Ему на девяносто процентов принадлежал самый крупный мегаполис страны. Доходы корпорации только от сдачи внаем квартир-капсул исчислялись триллионами...

Малехов не заметил, что уклонился в сторону от им же поднятой темы.

– Я не завижду, просто излагаю факты, – спохватившись, он почему-то извинился.

– Тот, человек, что пришел к тебе...

– Его звали Аркадием. Фамилия – Нетленников. Первое впечатление часто обманчиво. На самом деле он оказался мелкой сошкой в корпоративной иерархии, но в тот день Аркаша имел на меня сильнейшее влияние. Слово нож в масло, вошел в мою жизнь! Перечислил изобретения, о которых я и сам уже начал забывать, несколько раз, между делом, назвал гением, посетовал на засилье машин, на недальновидность государства, не ценящего такие кадры, а затем ненавязчиво соскользнул на тему корпорации, открывающихся перспектив, спросил, как я отношусь к идее колонизации иных миров, дальним межзвездным перелетам, и вдруг без причины заторопился, собрался уходить, но попросил подумать, – в общем, оставил меня в состоянии полной растерянности, шока. Я сутки не спал. Мне казалось, что мир перевернулся, что я вытащил счастливый билет в абсолютно безнадежной лотерее, но ни на следующий день, ни через неделю ко мне больше никто не пришел! Понимаешь?!

– Нет, – честно ответил Егор.

– Русанов – отличный психолог. Для него люди, как глина. На себе испытал. Через месяц, окончательно измученный, я начал понемногу втягиваться в прежний уклад жизни, как вдруг опять, словно гром среди ясного неба – электронное письмо с приглашением прийти на собеседование в ближайшее представительство корпорации. Снова ночь не спал. Места себе не находил. Хотел даже отказаться, думал, это чья-то злая шутка. Но к утру не выдержал, засобирился.

– Тяжело было попасть в проект «Прометей»?

– Нет. Все решалось заранее. Человеку с улицы попасть в ряды сотрудников корпорации вообще нереально. Если кого-то приглашают, то со вполне определенными планами. Но это уже закулисье. Сначала дают глотнуть чистого воздуха, почувствовать себя личностью – идет проверка, тщательная, дотошная. Пять лет я провел на Земле. Затем – Эрида, карликовая планета на окраине Солнечной системы. Маленькие шаги вперед, постоянная борьба – Русанов поощрял правила естественного отбора среди сотрудников. Нас распределяли по научным и техническим группам, постепенно формируя небольшие анклавы внутри корпорации. Спроси любого, истории у всех схожие. Разнятся лишь методы воздействия. Кто-то попал в теп-

личные условия, кто-то работал ровно, без мечты, но за деньги. Третьим приходилось драться, постоянно доказывая свое право на место в проекте.

– Ты понимал, что вами манипулируют, и не ушел?!

– Куда, Егор? Назад в кварткапсулу? К прозябанию? Не-ет! Капкан захлопнулся. «Прометей» стал делом жизни!

– Значит, единство корпорации – вздор?

– Да нет ее больше, Егор, пойми ты, наконец! Она осталась там, в сотнях световых лет отсюда!

– Почему же вы не дали Андрею Игоревичу восстановить ее?!

– Нечего было восстанавливать! – отрезал Роман Степанович. Похоже, он выговорился, выплеснул скопившиеся эмоции, замолчал.

Бестужева охватила досада. Он не воспринимал Русанова как идола! Андрей Игоревич говорил и делал понятные, правильные вещи! Он стоял на стороне людей, а эти, – он снова ощутил острую неприязнь к Малехову, – всячески мешали, кричали о какой-то свободе, порывались наладить отношения с эшрангами и хонди, от которых Егор видел лишь зло!

Думы Малехова текли в ином направлении. Воспоминания разбредили душу. Мысли о прошлом тесно переплетались с сегодняшним, прямо сказать, отчаянным положением дел. Почему мы оказались бессильны? Ведь Бестужев во многом прав! Взять хотя бы Эриду – планету с низкой гравитацией, скованную метановым льдом. Мы выстроили там город! Выжили! Переоснастили старый космический корабль, превратили его в мощный колониальный транспорт!

В чем была наша сила? В стремлении пройти путь от прозябания к свободе? Отчасти – он редко спорил сам с собой, но если внутренний голос просыпался, ставил вопросы, то Малехов отвечал на них.

Техносфера. Сумма знаний и технологий. Новая среда обитания, мир машин, способный создать приемлемые для человека условия жизни. Даже по самым грубым подсчетам, на той же Эриде денно и ночно трудились десятки тысяч сервов, ими управляли независимые кибернетические системы, не требующие постоянного внимания со стороны людей.

А что мы имеем сейчас? Подтопленный уровень старого колониального убежища, который превратился в воздушную линзу. Шлюзовые ворота еще сдерживают напор воды, но мы отрезаны от поверхности. У нас нет сервов. Нет энергии, компьютеров, остались лишь импланты, несколько персональных нанокомпов и детали разобранной планетарной машины. Люди обессилели от голода и лишений. Но даже если найдем способ вырваться из ловушки, выберемся на поверхность, это ничего не изменит. Наверху – библейский потоп. Нет укрытий. Даже костер развести не из чего. Тупик. Абсолютный тупик. Сегодняшняя находка тоже ничего не проясняет, не добавляет шансов, разве что заработает молекулярный синтезатор, сможем хоть как-то накормить людей...

– Почему вы не поддержали Русанова? – вопрос Бестужева разорвал круг тяжелых мыслей, вызвал раздражение.

– Он попусту начал тратить и без того скудные ресурсы, – нехотя ответил Роман Степанович. – Совершал ошибку за ошибкой.

– Поясни!

Малехов, кряхтя, выпрямился. Спина затекла. Ноги застыли в холодной воде.

– Зачем он пробудил весь состав научных групп? – Роман Степанович не стал дожидаться возражений со стороны Егора, продолжил: – Почему он не воспользовался резервом планетарной техники из грузовых отсеков криогенных модулей, не подготовил для людей элементарные условия? Он даже не задумался, где разместить, как накормить пятьсот человек!

– Но вы отказались ему помочь!

– После полувека криогенного сна даже ходить трудно! – грубо ответил Роман Степанович. – Уж ему ли не знать?

– Русанов пришел в себя достаточно быстро. Уже через сутки после пробуждения он был на ногах. Может, криокапсула найденного нами спасательного сегмента отличается по конструкции?

– Нет, все криокамеры одинаковы. Он раздавить нас хотел! Поставить в невыносимые условия. Так легче управлять людьми. Русанов действовал в своем стиле. Голодный, изможденный человек не станет задаваться лишними вопросами, он жить хочет, кушать, ему крыша нужна над головой, да и сил для бунта нет.

– А мы?

– А вам он сказал именно то, что вы, ребята, хотели услышать. Уж извини за прямоту. Понимаю, горя хлебнули, родителей потеряли, вот он и вывел формулу лозунга, понятного пандорианцам – «Смерть чужим»! Каково звучит, а? Бред, но вы-то его подхватили!

– Не понимаю, зачем он так поступил? – Егор с трудом понимал логику Малехова.

– Власть хотел сохранить. Пока люди слабы, выяснить, кто и о чем думает! У него не осталось прежних рычагов давления. Реальность Пандоры слишком резко отличается от прогнозов. Никто не ожидал встретить тут кладбища космической техники на орбите, планету, покрытую ледниками, анклавы иных существ, обломки их кораблей, вмерзшие в лед! Русанов уверенно обещал нам свободный, пригодный для колонизации мир. А что вышло? На Эриде он постоянно спрашивал: что ты готов сделать ради свободы, ради нового мира? Интересно, как бы он теперь перефразировал вопрос? Что мы готовы совершить, на какие жертвы пойти ради куска пищевого концентрата?

– Ради выживания, – поправил Егор.

– Называй, как хочешь, – махнул рукой Роман Степанович. – Смысл тот же. Людей пробуждать следовало небольшими группами, весь резерв техники бросить на разведку и добычу полезных ископаемых, организацию первичных производств! Машины должны создавать себе подобные механизмы, только так можно быстро восполнить утраченный парк планетарной техники! А Русанов вместо этого пробудил всех! Зачем?!

– Ты рисуешь Андрея Игоревича полным уродом, дегенератом! А он таким не был! Возможно, нам не понять его замыслов?

– Слушай, Егор, может, хватит? Надоело уже!

– Да, оставайся при своем мнении, – Бестужев махнул рукой. – Но я уверен, Русанов нашел бы выход!

– Упрямый ты.

– Он заботился о людях! По-своему, но заботился! Хотел сохранить власть? Пусть так. Но при нем не умерло ни одного человека!

Их спор, готовый разгореться с новой силой, нарушил отдаленный стрекот.

Под сводом тоннеля вдруг брызнул сноп искр, затем мигнул и включился осветительный сегмент потолка.

– Дима запустил генератор! – Малехов немного приободрился. На миг вернулась надежда, промелькнула мысль: может, выстоим? Нам бы продержаться, пока наверху не закончатся дожди, не схлынет вода! – Ты куда? – он заметил, что Егор направляется к дверям лаборатории.

– Хочу все внимательно осмотреть.

– Значит, не услышал меня? По-прежнему веришь в мифический план Русанова?! – со злой ухмылкой спросил Малехов.

– Роман Степанович, ты жить хочешь? – Бестужев остановился. – Просто ответь, да или нет?

Глупый вопрос.

Жить он хотел. Каждой клеточкой, каждым нервом. Страх перед неотвратимо близящейся смертью уже начисто обглодал душу, сожрал тонкую плоть моральных ценностей, так называемой цивилизованности, и теперь принялся за костяк, с хрустом перегрызая тот стержень, что принято называть волей.

Больше всего Малехов боялся долгой и мучительной агонии. Он знал, что не сможет покончить с собой. Уже пытался. Он имел доступ в оружейный отсек. После гибели Русанова, охваченный черной, бездонной тоской, пришел туда, схватил первый попавшийся под руку автомат, сунул ствол себе в рот, потянулся пальцем к сенсорной гашетке и...

Его жег стыд. Он не смог выстрелить, только облизывал электромагнитный компенсатор «Шторма», а потом долго, бессильно сидел у стены, давясь слезами.

– Хочу... – выдавил он, отгоняя неприятные воспоминания.

– Тогда просто помоги разобраться! – попросил Егор, отпирая дверь.

Глава 3

Дальний космос потребует от первопроходцев не просто мужества и профессионализма, он уведет нас за грань любых, самых смелых гипотез, заставит искать способы выживания, находящиеся за чертой естественной адаптивности человеческой психики...

Андрей Игоревич Русанов.

Проект «Прометей»

Колониальное убежище. Биологическая лаборатория...

Несмотря на включившуюся систему вентиляции, в отсеке по-прежнему воняло.

Многие не замеченные в темноте детали обстановки теперь бросались в глаза. Вдоль стен выстроились блоки кибернетических систем. Просторное помещение делилось на три рабочих зоны. Биореконструктивные камеры располагались по центру, в дальней части Егор увидел стенд – такие обычно применялись при сборке и тестировании сервомеханизмов.

«Из мастерской», – промелькнула мысль. Для пандорианца он неплохо разбирался в робототехнике, умел водить планетарные машины, ремонтировать аграрные механизмы, если поломка не затрагивала сложные кибернетические цепи.

Ближе к входу у стены возвышались фрагменты хондийского корабля. Часть переборки с живым шлюзом, образованным двумя мембранами, пара совершенно незнакомых постов управления – коричневато-серые выросты, усеянные отверстиями, по форме и расположению соответствующие конечностям хонди.

В средней части лаборатории три обособленных терминала компьютерной сети окружали высокие прозрачные шкафы из пластика. На полках в емкостях, до половины заполненных желтоватой жидкостью, плавали непонятные детали устройств, сочетающих живую ткань и кибернетические компоненты.

Роман Степанович замер, вытянул шею.

– Здесь работали как минимум четыре специалиста. Кроме Метелина, – выдавил он.

– Кибернетика, экзобиология, биокибернетика, инженерия? – вопросительно уточнил Егор.

– Верно. Кандидатов – хоть отбавляй.

На пороге появился Щедрин. Разбрызгивая воду, он подошел к ближайшему компьютерному терминалу, что-то проверил, коснулся сочетания сенсоров, сокрушенно покачал головой:

– Не работает. Хорошо, если накопители информации уцелели.

– Что генератор? В каком он состоянии?

– Установка мощная. Собирал ее очень хороший специалист. Получше нас, вместе взятых, не в обиду будет сказано. Выжал из водородного двигателя все, даже я бы так не сумел!

– Дробышев? – предположил Роман Степанович.

– Больше некому, – кивнул Щедрин, морщась от неприятного запаха. – Сходить, поискать его?

– Останься, – попросил Бестужев. – Сейчас Родион Метелина приведет, у него все узнаем. Малехов лишь сумрачно усмехнулся. Свое мнение он уже высказал.

– А ты, Роман Степанович, к какой категории относишься?

– Не понял? – он уставился на Бестужева.

– Ну, по негласному корпоративному делению. Не в смысле иерархии. Тепличных условий для тебя не создавали?

– Нет, – буркнул Малехов. – Мы с Димой русановского «естественного отбора» хлебнули по полной программе.

– Кстати, заметно. А много таких, как вы?

– Да уж хватает. Считаю половина из выживших. А что?

– Интересно стало, – ушел от прямого ответа Егор.

– Ты только понятия не путай, – усмехнулся Роман Степанович. – Мы же не кулаками махали. Отбор подразумевал интеллектуальные схватки, и в основном, кстати, заочные. Никто лицом к лицу конкурентов не ставил. Выводы делались по эффективности работы создаваемых нами устройств.

Егор подошел к камере с гибридным кибернетическим организмом. Теперь при сносном освещении стали видны некоторые особенности «проекта». Анатомию хонди Бестужев не изучал, но опыт схваток с ними из памяти не вычеркнешь. Нервные ткани и железы внешней секции он узнал безошибочно, по цвету волокон и строению.

– Зачем соединять искусственную нейросеть андроида с нервной системой хонди?

– Понятия не имею, – Щедрин даже не обернулся, он вскрывал терминал в надежде добраться до накопителей информации.

В коридоре раздался шум, чей-то вскрик, затем в открытый дверной проем кубарем вкатился низкорослый человек. Он плюхнулся в воду, тут же вскочил, озираясь, размазывая кровь по обвисшим, словно у бульдога, щекам.

До погружения в криогенный сон Метелин явно страдал избыточным весом. Об этом ясно свидетельствовали дряблые складки кожи на лице, шее, руках.

Вслед за ним в лабораторию вошел Бутов, массируя разбитые костяшки пальцев на правой руке.

– Не хотел идти, – скупно сообщил он.

Метелин затравленно осмотрелся. Помещение лаборатории он узнал – поверх смертельной бледности на его лице вдруг выступил нездоровый румянец.

– Вадим Федорович? Вы тут работали? – Бестужев ударом ноги отправил к нему вращающееся кресло. – Присаживайтесь, есть разговор.

Метелин мгновенно напрягся. Обстановка ему явно не понравилась.

– Я ничего не скажу! – Он уселся, попытался изобразить полное безразличие, но мелкая дрожь пальцев выдавала его с головой.

Бойтся – Егор почувствовал страх Метелина так же остро, как запах хондийского токсина.

– Думаю, всякая секретность потеряла смысл, – произнес Малехов. – Тебе, Вадим Федорович, лучше все рассказать как на духу. Ты тут работал по личному поручению Русанова?

– Допустим.

– В чем суть экспериментов? – Роман Степанович решил взять инициативу на себя, но Метелин лишь презрительно окинул его взглядом.

– Я ничего не скажу!

– А если так? – Родион коротко заехал ему в челюсть. От удара стул опрокинулся. – Речь идет о нашем выживании, понял?! – Бутов схватил Метелина за ворот одежды, рывком приподнял, поставил на ноги, выдохнул в лицо: – Уговаривать не буду! Егор, – он обернулся, – кресло! Вот так, – он усадил Метелина, аккуратно поправил ворот его куртки, стряхнул капли воды. – Кто с тобой работал, какие эксперименты тут проводили? Их цель?

Метелин на первый взгляд показался крепким орешком. Несмотря на бледность и явный страх перед физической болью, он молчал, страшаясь чего-то более существенного, чем возможные побои.

– У вас нет права меня судить! – неожиданно выкрикнул он.

– Судить? А есть за что? – Бутов привык действовать решительно, никаких комплексов по поводу применения силы не испытывал. – Ладно, – он резко крутанул кресло, развернул Метелина лицом к полуразложившемуся объекту исследований.

– Я изучал хондийский язык! – не выдержав, заверещал тот.

– Врешь, – спокойно произнес Родион. – Мы когда-то торговали с хонди. И неплохо понимали друг друга. Я пандорианец, не заметил?!

Нервы у Метелина сдали.

– Мне нужны... – он судорожно сглотнул, – гарантии. И привилегии! – тут же вороватой скороговоркой добавил он. – Лучшие условия, чем у других. Я требую!..

– Привилегии?! – Малехов, молча наблюдавший за развитием событий, не выдержал, побагровел. – Ты, Вадим Федорович, ничего не попутал? Привилегии за что? Вот за это? – Он окончательно сорвался, схватил Метелина, резко его приподнял, ткнул лицом в останки разумного хонди. – За бесчеловечность? За опыты над разумными существами?!

Егор и Родион переглянулись. Такая трактовка никогда не пришла бы им в голову, но воздействие оказалось сокрушительным, достигло цели!

– Я виноват! Я понимаю!.. – Вадим Федорович вдруг вывернулся, обхватил колени Малехова. – Я не хотел! Не хотел!.. Русанов меня заставил!.. Боже мой... Вы же знаете, он мог!

Малехов попытался вырваться, разорвать кольцо дрожащих, цепких рук, но Метелин не отпустил, выл:

– Я не хотел!.. Не убивайте меня!.. Я не хотел!..

Родион влепил ему пощечину, затем присел на корточки, поймал полубезумный взгляд, тихо сказал:

– Замолчи. Никто тебя не тронет. Ну? Давай. Успокойся. Расскажи нам, в чем суть эксперимента? Почему тела соединены с кибернетическими блоками? Вот, хорошо, – он разговаривал с ним, как с ребенком, вытирал слезы, медленно приводил в чувство. – Зачем тут фрагменты хондийских кораблей? Только не вздумай снова врать. Каждый пандорианец знает универсальный язык. Мы успешно общались с хонди. Ты меня понял?!

Метелин часто закивал.

– Коммуникация, – хрипло выдавил он. – Их коммуникация основана на феромонах! Это такие летучие соединения, хемосигналы, управляющие многими процессами...⁴

– Знаем, можешь пропустить, – прервал его Егор. – Разные запахи. В чем суть?

– Русанов поручил мне выяснить, каким образом устроены их железы! Еще его интересовало, какой именно процесс нервной деятельности продуцирует феромоны – осознанное мысленное усилие или рефлекс?

– Выяснил?

– Да! Еще на Земле я изучал насекомых, а первые опыты проводил в лабораториях Эриды. Над образцами нашей фауны, разумеется. Со мной работал Нарушев, из отдела кибернетических технологий. У нас уже имелся некоторый опыт, и дела здесь пошли довольно быстро!

– По существу. Без пространных пояснений! – потребовал Родион.

– Мы использовали адаптер, созданный еще на Эриде. Я вырастил хондийский нерв, Нарушев модернизировал устройство, дополнил его искусственной нейросетью и программами модуляции хондийских нейронных импульсов. В целом адаптер получился совместимым с нашими имплантами... Искусственная нейросеть обучалась распознаванию человеческих мысленных образов и преобразовала их в импульсы, передаваемые на хондийский нерв. Тот в свою очередь воздействовал на железы, побуждая их выделять определенный феромон!

---

⁴ Феромоны (греч. φέρω – нести + ὁρμή – побуждать, вызывать) – собирательное название веществ – продуктов внешней секреции, выделяемых некоторыми видами животных и обеспечивающих химическую коммуникацию между особями одного вида. Феромоны синтезируются и растениями. Феромоны – биологические маркеры собственного вида, летучие хемосигналы, управляющие нейроэндокринными поведенческими реакциями, процессами развития, а также многими процессами, связанными с социальным поведением и размножением. Феромоны модифицируют поведение, физиологическое и эмоциональное состояние или метаболизм других особей того же вида. Как правило, феромоны продуцируются специализированными железами.

- Вы разрабатывали оружие подчинения?! – похолодев, уточнил Малехов.
- Нет. Цель была другой. Русанов хотел знать, можно ли после усовершенствования наших имплантов читать маркеры пути, ориентироваться на борту хондийских кораблей, а в перспективе – управлять ими.
- Чего реально удалось достичь? – заинтересовался Родион.
- Многого! – Метелина вновь охватило лихорадочное возбуждение. – Здесь, в лаборатории, есть фрагмент переборки с мембранной дверью и приборные панели с их корабля, – он оглянулся, заметил, что все перечисленное на месте. – Мы научились открывать и закрывать живую перегородку, считывать и даже менять маршрутные маркеры, расшифровали, а затем симулировали некоторые простейшие команды, поняли, что без хондийского нерва невозможно перехватить контроль над сложными функциями, например, пилотировать корабль!
- Значит, исследование зашло в тупик?
- Нет. Но его развитие... поймите, есть черта... – он явно лукавил, но никто уже не обращал внимания на попытки Метелина вывернуться из неприятной ситуации. – Я говорил Русанову, но он не слушал, хотел найти добровольца для имплантации нерва, но потом изменил решение, велел экспериментировать на андроиде.
- Почему свернули эксперимент?
- Мы работали постоянно! В изоляции. Даже не знали, что происходит вокруг, пока этот сектор не начало подтапливать. Компьютерная сеть рухнула, генератор заглох, терминалы повредило водой. Мы попытались отыскать Русанова, но он исчез.
- Кто еще входил в вашу группу?
- Нарушев и Шульгин!
- Имплантация нерва, управление хондийской техникой – это вообще возможно? – тихо спросил Бестужев.
- Вполне, – снова закивал Метелин.
- А как же чуждая семантика? – с сомнением спросил Малехов.
- Не такая она и чуждая, раз существует универсальный язык межрасового общения, – ответил Метелин.
- Короче, феромоны – ключ? – Родиона интересовала только практическая сторона вопроса. – Код доступа к мнемоническому интерфейсу?
- Да! Но мы не можем им воспользоваться. Интерфейс совершенно не изучен. В процессе управления передаются и считываются запахи, нервные импульсы. Их сочетания очень сложны.
- Должно существовать решение! Почему здесь три особи? Иерархия? Выяснили, кто на самом деле управляет системами, разумный хонди, рабочий или боец?
- Мы не успели. Но мне кажется, иерархия играет важную роль! Когда в лабораторию доставили фрагмент переборки, то с выростом, похожим на пульт, был соединен хондийский рабочий! Он буквально сросся с постом управления!
- А генетический материал для нерва брали от разумной особи?
- Метелин кивнул.
- Значит, разумный хонди в процессе управления отдает рабочему простую, односложную команду? – Родион размышлял вслух. – Иначе такая система потеряет эффективность, например, при пилотировании или в бою!
- Вопрос: насколько простую?
- Односложную! – повторил Родион. – Лети в таком-то направлении. Включи или выключи. Стреляй. Что-то типа этого.
- А рабочий такой умный, да? Управляет сложными системами?!
- Он – нейрокомпьютер. Не больше и не меньше. Биологическая подсистема, узкоспециализированная, заранее обученная эффективно работать с определенным оборудованием!

– В этом есть смысл, – подумав, подтвердил Метелин. – Например, тем же шлюзом управляет фрагмент нервной ткани, реагирующий на определенный запах.

– Значит, в теории, мы можем захватить их корабль?! – спросил Бестужев.

– Только в теории, – нахохлился Метелин. Страх отпустил. Он видел заинтересованность окружающих и уже перестал опасаться за свою жизнь. – Эксперименты с андроидом, на основе которого мы постепенно создавали киборга, прерваны. Все созданные материалы безнадежно испорчены.

– Но информация уцелела, – Щедрин, разбиравший терминал кибернетической системы, показал горсть микрочипов. – Все тут, верно?

– Данные исследований? Матрицы для клонирования? Да. Но не понимаю...

– Тебе пока незачем понимать, – грубо оборвал его Бутов. – Роман Степанович. На пару слов. Надо поговорить.

* * *

Они вышли в коридор.

– Ну? Что вам?

– Лабораторию придется восстановить. Группу Метелина собрать в прежнем составе, – угрюмо и категорично потребовал Бестужев.

– Ты с ума сошел? – Малехов хотел уйти, но Бутов встал на пути.

– Я не сошел с ума! – Егор не собирался отступить. Одним из качеств, позволившим пандорианцам выжить, была решимость всегда и во всем идти до конца. Не терзаться сомнениями, если видишь шанс победить, выжить. – Эксперимент нужно продолжить! – Бестужев сейчас внушал Роману Степановичу невольный ужас своей мрачной непреклонностью. – С андроидом у нас теперь явно ничего не получится. Значит, придется Метелину работать с человеком! Добровольцем... – уже тише добавил он.

– И не заикайся даже! Не позволю! Ишь, придумал!

– Доброволец я, – тихо, но напряженно произнес Егор.

– Нет, ты просто не понимаешь, о чем говоришь!

– Понимаю! Хватит уже! И ты все понимаешь! Русанова с нами нет, решения теперь принимать нам! Будем сомневаться, спорить, и через неделю люди начнут умирать от голода! Здесь нечего обсуждать! Теперь план Русанова более или менее понятен!

– Что?!

– Он планировал захватить хондийский корабль! За этим отправлял МаРЗы на разведку!

– Мы не сможем!

– Хотя бы попробуем!

– Люди на ногах не стоят!

– Ничего. Имплантация нерва потребует времени. Успеешь подготовить ударную группу?

– Люди слабы!

– На пару дней включим второй генератор в общую сеть, дадим отработать молекулярному синтезатору! – произнес Родион.

– У нас все равно нет биомассы! – Малехов цеплялся за малейшие отговорки, лишь бы не принимать жуткого, с его точки зрения, решения.

– Есть. В биолaborатории полно останков!

– Егор, я не хочу с тобой говорить! Уйди с дороги!

Бестужев не шевельнулся.

– Здесь не Земля, Роман Степанович. Пандора. И мы все на волосок от смерти! Пойми, кому-то эти решения придется принимать! Ты готов превратить убежище в братскую могилу?!

– Даже если я соглашусь, люди не притронутся к синтезированной пище! К такой пище! – добавил он.

– Мы им не скажем.

– Егор, ты не соображаешь, что несешь!

– Он соображает! – выкрикнул Бутов. – Скажу тебе прямо, кроме землян, тут и пандорианцы! Младшие! – Его голос внезапно дрогнул. – Мы не дадим им умереть! Так что решай, либо сам несешь этот груз, либо...

– Пристрелишь меня?

– Если придется.

– Да вы оба не в своем уме! – Роман Степанович прислонился к стене. – Это... – он запнулся, – бесчеловечно!

– А у тебя есть «человечный» вариант?! – в лицо ему выкрикнул Егор. – Кем ты себя назовешь, когда дети начнут умирать от голода?

Малехов обхватил голову руками, тихо взвыл.

Черта практически стерта. Мы перестаем быть людьми... Или пищевой концентрат, похожий на кусок ржаного хлеба, синтезированный на молекулярном уровне, полностью обезличен?

Да какая разница? Главное – молчать. Знать, молчать, выть, но беззвучно!

– Русанов бы спросил: на что мы пойдем ради выживания? Твои же слова!

– Я не смогу с этим жить!

– Сможешь. Возглавишь колонию! У нас нет ни времени, ни выбора! Научись принимать решения!

– А что дальше, ребята?! – Малехов вскинул взгляд. – Синтезируем, раздадим «хлеб». Ну, хорошо, протянем еще две-три недели! А потом начнем убивать слабейших? Или ждать, как стервятники, пока кто-то умрет, чтобы запихнуть его тело в синтезатор? И опять жить?

– Ты утомись! Хонди для нас – чужие. А синтезатору действительно без разницы, на какой биомассе работать! Сегодня прибегнем к крайней мере! Один раз! За пару недель Метелин вырастит нерв, подготовит имплантацию. – Егор с силой сжал плечо Малехова, наклонился, шепнул ему на ухо: – Когда вулканический пепел уничтожил урожай, наши родители получали биомассу от хонди. Это было еще до набега мутантов, уничтоживших их поселения. Что в этой массе – без понятия, я маленький был, но синтезатор работал на ней безотказно. Мы выживем. Все. Больше никто не умрет, по крайней мере, от голода!

– Егор, ты бредишь? Нам на поверхность-то не выбраться, а ты говоришь о торговле с хонди! Где ты найдешь хоть одно их поселение?!

– Мне имплантируют нерв! – яростно повторил Бестужев. – В затопленной части бункера остались три планетарные машины. Мы с Родькой до них доберемся!

– Под водой?

– Да! – резко ответил Егор. – Это уже не твоя забота! – добавил он. – Если не вернемся, тогда уж поступай, как хочешь!

Роман Степанович молчал. Казалось, он постарел лет на десять за пару минут разговора.

* * *

Колониальное убежище. Сектор биолaborаторий. Две недели спустя...

– Как прошло? – Бестужев открыл глаза.

Метелин и Шульгин бросили дела, обернулись.

– Он пришел в сознание, – шепоток Егору не понравился.

Он попытался встать, почувствовал, что зафиксирован ремнями, рванулся, но без толку.

Запахи.

Они обрели объем и форму! Взгляд obeжал знакомое помещение. Нет, зрение тут ни при чем!

Скулы моментально свело. Удушливый, острый, режущий обоняние запах человеческого тела нес яркий букет выделяемых с потом веществ.

Страх.

Возбуждение.

Неприязнь.

Надежда.

Запахи концентрировались двумя облаками, движение воздуха, создаваемое системой вентиляции, вытягивало их шлейфами.

С закрытыми глазами, без участия зрения, Егор мог с точностью определить, где именно сейчас находятся люди, почувствовать всплеск эмоционального напряжения, вызванный его фразой.

Сложнейшие процессы протекали в нервной системе Бестужева. Имплантированный хондийский нерв, кибернетический расширитель сознания, метаболический корректор, нейросетевой адаптер, распознающий мысленные образы, и, наконец, обонятельные рецепторы сейчас, в эти секунды, стремительно налаживали взаимодействие, образовывали новые связи, мозг обрабатывал данные на уровне подсознания, объединял разрозненные элементы в рамках новой, несвойственной для человека сенсорики восприятия.

Обмен данными протекал стремительно и не поддавался осмысленному контролю. В сознание Егора поступали лишь конечные результаты. На миг промелькнула мысль: я ощущаю и идентифицирую мгновенные метаболические реакции, вернее, их остаточные продукты, успевшие выделиться с потом...

Рассудок тонул в новых ощущениях. Удушливый букет запахов, частично распознанный, эмоционально окрашенный, полоснул острым чувством опасности. Они меня боятся!

Хондийский нерв будто взбесился.

Хомо... Два хомо приближались к нему с разных сторон! Они истекали страхом и ненавистью!

Открыть глаза!

Тусклый свет. Участливое, заботливое выражение лиц. Немного оторопи, опаски. Это и понятно...

Нет! – чуждое мироощущение пробуждало совершенно иные эмоции.

Защищайся! Убей! Парализуй! Вырвись!

Хрустнули суставы. Егор, не контролируя себя, вывернул запястья, но даже не почувствовал боли, хондийские железы, сформированные на ладонях, вдруг запульсировали: два плевка токсичного вещества ударили точно по глазам людей.

– Силен, однако! – Метелин взял тампон, аккуратно стер пятнышко токсина с мягкой, прозрачной защитной маски. – Он себе запястья вывихнул! Саша, почему метаболический корректор не сгладил шоковую реакцию?!

– Программное обеспечение работает нормально, – ответил Шульгин. – Нерв сейчас успокоится!

– Егор, ты меня слышишь? – Метелин склонился над ним.

«Если б не сковывающие движения ремни...» – мучительно подумал Бестужев.

– Смотри на меня! Узнаешь?! Дави чуждое мироощущение! Бери его под контроль! Егор, вспомни, ради чего ты пошел на риск имплантации!

Запах.

Тело билось в конвульсиях.

Все человеческое гасло.

Запах.

Тонкий, знакомый, едва уловимый...

Как он проник сюда? Бестужев закрыл глаза. Едва различимая паутинка струилась в воздухе.

Еще один хомо... Далеко. Во тьме. В холоде.

Их слишком много. Ты не справишься. Убьешь лишь нескольких.

Дрожащие, искаженные черты. Сознание потянулось за ниточкой ускользающего запаха, конвульсии прекратились, хондийский нерв внезапно притих, на свободу вырвались мысли, принадлежащие Егору Бестужеву.

Холод. Серый лед, впитавший осадки вулканического пепла. Купол защитного поля. Отроги скал, торчащие, будто клыки, на входе в ледовое ущелье.

Родька и Пашка ушли вперед, а он сбавил шаг, оглянулся.

Одинокая, хрупкая фигурка замерла на краю обрыва. Он не различал черт лица, слишком велико расстояние, но знал, кто провожает их теплым, тревожным взглядом.

Настя.

Она из младших. Ей тогда было всего семнадцать. Они редко встречались, почти никогда не разговаривали, но Настя всегда знала, когда трое ребят уйдут во льды, выполнять очередное смертельно опасное поручение эшранга.

Она приходила на край плато и провожала их, но Егору казалось, что теплый взгляд предназначен только ему.

Паутинка запаха почти исчезла, но образ исхудавшей, повзрослевшей девушки на секунду окреп.

– Настя... – едва слышный шепот сорвался с потрескавшихся губ.

– Он успокоился! – удивился Шульгин. – Практически подавил обратную связь с нервом!

– Отлично. Такого быстрого результата я не ожидал! Силен, однако! – повторил Метелин. – Свяжись с Родионом Бутовым. Узнай, есть ли среди пандорианцев девушка по имени Настя?

– Зачем?

– Он только что выдохнул ее имя. Едва слышно.

– Бредит, наверное. Такое эмоциональное напряжение...

– Делай, что сказано! – Метелин повысил голос. – Бредит или нет – разберемся. Нам нужно быстро поставить Егора на ноги, он должен обуздать хондийский нерв! Тут любые стимулы хороши!

Сознание искажалось, выкидывало жуткие ассоциации.

Нерв снова звенел от напряжения. Задавленные, нерастроченные чувства полыхнули, чуждые рефлексy гипертрофировали их, усилили до степени помешательства, абсурда.

Образ исказился. Черты Насти таяли, вместо губ проступила жвала, глаза выпучились, приняли миндалевидную форму, узкий, вытянутый, ребристый лоб, покрытый бурыми крапинками, источал острый повелевающий запах, кожа ее щек отвердела, превратилась в хитин, наискось перечеркнутый влажными пульсирующими дыхательными прорезьями.

Тонко, тревожно, настойчиво заверещали несколько сигналов.

– Постой! Сработал газоанализатор!

– Нерв снова активен!

– Записывай! У нас получилось! Смотри, его железы выделяют летучие соединения. Вот! Вот пошла расшифровка их формул!

– У меня повышенная активность искусственной нейросети! Буфер между хондийским нервом и мозгом Бестужева перегружен!

– Снимай показания! Нужна запись всех импульсов!

– Есть идентификация по базе данных! Маркер размножения! Маркер защиты! Маркер безусловного приоритета в питании! Откуда они взялись?!

– Хондийский нерв! Он воспринимает образ из сознания Бестужева!

– Ну и что? Почему железы заработали?

– Саша, да он действительно бредит! Маркирует мифический образ! Присваивает ему феромоны, модификаторы поведения!

– Не понимаю!

– Он видит несуществующий образ, что тут непонятного?! Маркирует его запахом, чтобы придать достоверность!

– Бестужев сам будет выполнять эти команды?

– Наверное, попытается!

– Надо прервать процесс! Дать успокоительное!

– Нет! Записывай показания! Образ очень сильный! Хемосигналы мощные, безусловные!

Если Егор не справится сам – останется рабом запахов, понимаешь? Потеряется в собственном бреде! Продолжит выделять феромоны и сам же будет считывать их, исполнять приказы!

Бестужев рванулся. Ремни едва выдержали.

Глаза Егора выкатились из орбит. Напряженные мышцы дрожали. Оскал изуродовал лицо. Сквозь плотно сжатые зубы вырывались звуки, похожие на скрежет жвал насекомого.

Образ перед глазами требовал действовать. Убить хомо! Освободить ее!

Липкие капли выступили на узком хитиновом лбу. Хрустнули суставы. Чуждые инстинкты в клочья рвали человеческое сознание.

– Ты отправил запрос?

– Нет!

– Свяжись с Бутовым! Срочно! Если он вырвется нам несдобровать!

– Он раньше прикончит себя! Надо действовать медикаментозно!

– Заткнись!

Щелкнул переключатель.

– Родион, бегом в лабораторию! Да, проблемы! Он очнулся! Среди пандорианцев есть девушка по имени Настя? Да?! Хватай ее, и сюда! Оружие не забудь! Он совершенно озверел!

Егор уже ничего не воспринимал. Сознание погрузилось в сумерки, телом управляли рефлексy. Железы истекали токсином.

– Блокировать лабораторию! Автономная вентиляция!

– Вадим, ты садист! – Шульгин невольно попятился. – Он же переломает себе кости, разорвет связи!

– Ему имплантирован метаболический корректор!

– Да не справляется он! Не видишь?!

– Корректору нужен импульс! Команда рассудка!

– Мы же дублировали наборы команд, запрограммировали их!

– Расширитель сознания не может нормально ими оперировать! Единственный шанс – Егор сам обуздает нерв!

– Он не справится!

– Посмотрим!

– Пока ты смотришь, он умрет!

Огромные, миндалевидные фасетчатые глаза.

Ласковое и требовательное прикосновение жвал. Сигнал к размножению.

Отвращение пронзило его, словно удар током.

Тонкие гибкие усики осязали Егора. Он не мог противиться их сладкому, манящему прикосновению.

Он почти сдался. Реальность окончательно потонула в сумеречных полутонах. Влажное тепло омывало тело.

Удар.

Звон.

ЗАПАХ.

Отдаленно-знакомый голос:

– Метелин, прочь!

Запах друга. Образ. Ледяной тоннель. Трещины по своду. Орда тварей, несущаяся по пятам. Тяжелое дыхание Родьки. Его плечо. Отрывистый, звонкий лай автоматных очередей. Горячие гильзы, мгновенно втаивающие в лед.

– Егор, очнись! Ты человек! Слышишь! ТЫ ЧЕЛОВЕК!

Убить хомо!

Мучительная радость. Резкий взмах средней конечности, усеянной острыми хитиновыми наростами, рассечет его горло, выпустит запах крови.

Друг.

Самка.

Любовь.

Одинокая фигура на краю обрыва.

Чужой образ вдруг исказился. Миндалевидные глаза стали уменьшаться в размерах, в них появились зрачки – расширенные, испуганные, бездонные.

И снова запах. Теплый, не несущий хемосигналов, – запах человека.

Боль пронзила. Она нашла приют в каждой клеточке измученного тела.

Нерв пылал.

Разорванная реальность приобрела вид мозаики. Некоторые ее фрагменты начали складываться, подходить друг к другу.

– Корректор заработал! Он гасит активность нерва!

«Я человек...» – мысль промелькнула бессильная, опустошенная.

– Железы прекратили выделять токсин! Концентрация феромонов тоже падает!

– Искусственная нейросеть отсекает сознание от хондийского нерва! Она обучилась! Сейчас сигналы проходят только в одном направлении – от мозга Бестужева к нерву!

– Появилось еще одно химическое соединение! Анализирую! Аналогов в базе данных нет!

– Записал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.